

О природе и функциях внеморфемных знаков

Что общего в словоформах *горилла – говорила, this – that, жить – поживать, туда – куда, стелить – постель, мороженое – *пирожное, редко – метко, приватизация – прихватизация, учить – учитель, древними – поверьями, наши – ваши, упасть – в пропасть, what – where, желток – *белток, глаз – алмаз, подлый – Леопольд?*

На самом деле, общего не так уж и мало:

- 1) словоформы сгруппированы в пары, члены которых «связаны» – такие слова К.Чуковский точно назвал «двустворчатými» [Чуковский 2001];
- 2) члены пар включают как различающиеся, так и одинаковые звуковые сегменты, то есть их объединение в пару маркируется общей формальной приметой;
- 3) в сознании говорящих для каждой пары отмечается массовая ассоциация между «створками раковины»: название одного члена пары с повышенной вероятностью вызывает ассоциацию с другим ее членом, что фиксируется ассоциативными словарями.

Приведенный список выглядит, по меньшей мере, странно: в нем через запятую приводятся факты языка (*наши – ваши*) и речи (*приватизация – прихватизация*); лексики (*попытка – не пытка*) и грамматики (*туда – куда*); наряду с очевидными парадигмами (*редко – метко*) и с менее очевидными парадигмами (*учить – учитель*, так называемая «деривационная парадигма») приводятся пары, которые составляют синтагмы (*древними – поверьями, упасть – в пропасть*); правильные формы (*this – that*) соседствуют с неправильными (*мороженое – *пирожное, желток – *белток*), а литературные цитаты (*подлый – Леопольд*) – с языковыми (*глаз – алмаз*). Общая формальная примета является в одних случаях морфемной (*упасть – в пропасть, стелить – постель*), а в других случаях – внеморфемной (*what – where, горилла – говорила*). Тем не менее, сопоставление этих пар оказывается продуктивным, если предметом исследования является выявление разнообразных техник, которые использует язык для того, чтобы **формально эксплицировать сходство** двух различных знаков.

Сгруппируем приведенные пары по наиболее существенным признакам (1):

(1)	частичное сходство	I. Язык	II. Речь
1. Парадигма	А. внеморфемное	<i>наши – ваши, туда – куда</i>	<i>мороженое – *пирожное желток – *белток</i>
	Б. морфемное	<i>учить – учитель</i>	<i>приватизация – *прихватизация</i>
2. Синтагма	А. внеморфемное	<i>редко да метко глаз – алмаз</i>	<i>горилла говорила древнее поверие хрупкий хрусталь</i>
	Б. морфемное	<i>жить – поживать попытка – не пытка городить огород</i>	<i>упасть в пропасть, стелить постель</i>

Ячейками этой таблицы занимаются специалисты самых различных профилей: стиховеды (II.2.A), специалисты по детской речи или же по речевым афазиям (II.1.A), лингвисты, интересующиеся паронимией (II.1.B), специалисты в области деривации (I.1.B), специалисты в области фразеологии ((I. 2.A и I. 2.B). В фокусе самых разнообразных лингвистических дисциплин (когнитивистика, лингвистика текста, социолингвистика и др.) оказывается сам переход слов и синтагм из колонки II (Речь) в колонку I (Язык), в тех случаях, когда индивидуальные речевые употребления закрепляются в языке и начинают фиксироваться в словарях.

Только для ячейки **I.1.A** (внеморфемное сходство членов парадигмы в языке) не существует конкретной области. В определенном смысле приведенными в **I.1.A** примерами интересуется фонология, хотя бы потому, что здесь часто встречаются минимальные пары. Но ведь методика выявления фонем по минимальным парам ориентируется на **различающиеся** сегменты в *какой – такой* (/к/ ~ /т/) или *тело – дело* (/т/ ~ /д/), а не на **совпадающий** сегмент – **-акой** или **-ело**. Исследованием же внеморфемных и внеуровневых сегментов, которые являются **общими** для членов парадигмы, **субморфами**, занимались и занимаются отдельные лингвисты (на материале русского языка – прежде всего, Р.О.Якобсон, А.А.Зализняк, Вяч.Вс.Иванов, А.А.Реформатский), но не конкретная область языкознания. Такой области нет.

Данная статья подводит предварительный итог наблюдениям, которые были изложены в предыдущих публикациях автора, посвященных этой несуществующей области. Сконцентрируемся на этой загадочной ячейке **I.1.A**, то есть на внеморфемных унификациях в парадигмах. План статьи определяется следующими задачами: 1) показать на новом материале, не использованном в предшествующих публикациях, что мы имеем дело не с маргинальными экзотическими фактами, а с феноменом, который системно проявляется в большинстве языков на всех языковых уровнях; 2) выявить некоторые функции этого явления, главная из которых – интеграция отдельных знаков в систему; 3) обсудить некоторые теоретические положения, связанные с интерпретацией приведенных данных. Нас будут интересовать не только синхронические, но и диахронические аспекты исследования субморфных унификаций.

Статья имеет следующую структуру:

- **1. Субморфы: морфология и лексика.** Рассматриваются многочисленные примеры субморфов в системах местоимений. В отдельном параграфе анализируются субморфы, выделяемые в лексике русского языка по данным Ассоциативного словаря [РАС 2002].
- **2. Субморфы: синхрония и диахрония.** Обсуждается проблема реальности субморфов в синхронии, а также процессы формирования и эволюции субморфов в диахронии. В частности, анализируются синхронные функции диахронических изменений по аналогии.
- **3. Парадигма: нейтрализации и субморфы.** Рассматривается характер парадигматического распределения **субморфов**, с одной стороны, и **морфемных нейтрализаций**, с другой. Аргументируется тезис о том, что эти два распределения имеют дополнительный характер, а следовательно – являются взаимозависимыми.
- **4. Обсуждение.** В заключение обсуждаются теоретические вопросы, связанные с функционированием субморфов – в частности, функции субморфов в связи с функциями синкретичных морфем и с организацией парадигмы в целом; проблемы, связанные с теорией нейтрализации; разнообразные языковые стратегии сигнализации сходства различающихся знаков.

1. Субморфы: морфология и лексика

Термин *субморф* здесь и ниже употребляется в том значении, в каком он используется, в частности, Вяч.Вс.Ивановым (см., например, раздел «Субморфы и их диахроническая значимость» в [Иванов, 2004]). В концепции В.Г.Чургановой [Чурганова 1973] этот термин имеет принципиально иное значение. Субморфы В.Г.Чургановой, как известно, похожи на морфемы но, в отличие от последних, **не** имеют значения (**-ец в венец**). По Р.Якобсону и Вяч.Вс.Иванову, субморфы, напротив, характеризуются самостоятельными значениями, не являясь при этом морфемами (так, сегмент [к-] в парах *какой – такой*, *как – так*, *куда – туда*, ср. во французском языке *quel – tel*,

приобретает значение вопросительности, а сегмент [т-] – утвердительности). Отметим, что термин *субморф* используется здесь за неимением лучшего термина. Вопрос о том, почему он неудачен и какие альтернативные термины можно было бы предложить, будет рассмотрен в конце статьи, после того, как будут проанализированы функции такого рода сегментов, приобретающих свойства знаков.

Факты, установленные Якобсоном на материале русского склонения, хорошо известны. Якобсон, в частности, показал, что в русском склонении «... сходство окончаний ограничивается либо одинаковым числом фонем (напр., во всех парадигмах мн.ч. реальные окончания падежей определенных содержат по две фонемы), либо общностью одной из фонем (например, в любой парадигме мн.ч. все окончания периферийных падежей начинаются с одного и того же гласного, а в прочих типах склонения все полифонемные окончания периферийных падежей содержат одну и ту же неслоговую фонему; все полифонемные окончания косвенных падежей в женских типах склонения заключают -j-, а в остальных типах склонения все полифонемные окончания Т. и Д., т.е. необъемных периферийных падежей, содержат губную носовую фонему). <...> Выделяя в разнообразных полифонемных окончаниях известного падежа или известного фонемного класса общую примету («*marque*» или «*consonne caractéristique de ces désinences*», как говорил уже Meillet), специфическую для одного падежа или класса падежей, мы превращаем исследование грамматической формы собственно в разбор ее фонологического состава. Открывается связь между падежом и его отличительной фонемой (напр., -v- как показатель Р. падежа, -x- как показатель П. падежа), и, наконец, связь между составными элементами падежного значения и фонемами или составными элементами фонем: -m'- (в автоматической альтернации с /m/) выступает как примета падежного признака периферийности, а щелинность, общий атрибут -v- и -x-, служит приметой падежного признака объемности. Фонология и грамматика оказываются неразрывно связаны целой гаммой переходных, межрайонных проблем ...» [Якобсон, 1985, с.195-196].

Якобсон неоднократно использовал термин *примета* для обозначения имеющих самостоятельное грамматическое значение сегментов морфемы или различительных фонемных признаков; при этом, из приведенной цитаты, в которой он отдельно останавливается на терминах, используемых А.Мейе («*marque*» или «*consonne caractéristique de ces désinences*»), видно, что для Якобсона было не очевидно, как следует называть эти новые единицы открытого им нового языкового уровня. Действительно, если, к примеру [м] в формах *зл-ым, зл-ому, зл-ом* – это примета, то примета чего? В приведенной цитате – «примета признака периферийности», но следует ли трактовать ее как знак, и, если да, как назвать релевантный для этого знака уровень и как именовать единицу этого уровня? И.А.Мельчук использует свою формулировку – в английском варианте изложения – «*carrier of function*», то есть «носитель функции» [Мельчук, 1995, с.620]. Но этот термин не проясняет главного – о какой собственно функции идет речь? А.А.Реформатский, чьи интереснейшие наблюдения в этой области менее известны, чем наблюдения Якобсона, также предпочитал весьма осторожный термин – «звуковая метка» [Реформатский, 1979, с..73-74].

Такое разнообразие «терминов-эвфемизмов» свидетельствует о том, что в лингвистической теории нет сегодня вразумительных подходов к описанию интересующего нас явления. Как справедливо отмечает И.А.Мельчук (в работе, посвященной творчеству Якобсона), «there are still no adequate formal means for the rigorous description of submorphemic form/meaning correspondences, and, most importantly, the place of these correspondences in the models of languages is still far from clear. <...> what RJ (Роман Якобсон. – *К.П.*) did was to give linguistics the following task, complicated

but at the same time fascinating: to introduce a new, submorphemic level of discription ...» [Мельчук, 1995, с.620-621].

Подчеркну, что за редкими исключениями, «субморфы», «приметы», «метки» воспринимаются лингвистами как экзотика, ради которой не стоит пересматривать классические постулаты лингвистической теории. Проблема, однако, в том, что субморфные унификации в парадигмах обнаруживаются практически во всех языках. В [Поздняков 2003а] общий характер таких унификаций демонстрируется на примере десятков систем местоимений, а также в разнообразных парадигмах рода / именного класса. В данной статье в качестве новых иллюстраций будут использованы, в частности, парадигмы местоимений в генетически родственных языках. Именно такие парадигмы особенно наглядно показывают, насколько разнообразными оказываются субморфные унификации, которые формируются в каждом отдельном языке независимо.

1. 1. Морфология: Фонетическая организация местоименных парадигм

Рассмотрим конкретный пример – парадигму субъектных местоимений языка догон [Calame-Griole 1974] (2):

(2)	sg.	pl.
1	mù	èmé
2	ù	é
3	vò	bé

Перед нами парадигма из шести морфем. Как ее описывать? Простого перечисления морфем в данном случае явно не достаточно – бросается в глаза строгая фонетическая упорядоченность таблицы. Сформулируем признаки этой упорядоченности. Интересующие нас морфемы включают согласные, гласные, тоны и при этом характеризуются определенной слоговой структурой (в их означающих ничего больше нет!). И все перечисленные элементы (буквально **все компоненты** означающего) принимают участие в формировании парадигмы. Каждый из двух столбцов, с одной стороны, и каждая из трех строк, с другой стороны, включают общие формальные признаки:

- Все местоимения множественного числа характеризуются высоким тоном последнего слога, а местоимения единственного числа – низким;
- Все местоимения множественного числа характеризуются конечным гласным **-e**, (передним гласным), а все местоимения единственного числа – задним: **-u**, **-o**;
- Оба местоимения первого лица включают согласный **m**, то есть губной носовой;
- Оба местоимения третьего лица включают губной не-носовой – **v**, **b**¹
- Оба местоимения второго лица имеют структуру **V**, а все местоимения 1 л. и 3 л. – другую структуру: **CV** или **VCV**.

Таким образом, разнообразные сегменты и признаки сегментов **каждой** из шести морфем парадигмы представляют собой **значащие** единицы: слоговая структура морфем формирует оппозицию по признаку «интерлокутор» (структура **V** – 2 л. в противоположность структуре **CV** в 1 л. и 3 л.); внутри не-интерлокуторов (только губные согласные **m**, **v**, **b** – 1 л. и 3 л.) назальность согласных маркирует 1 л.; категория числа маркируется тоном, а также рядностью вокалических сегментов (высокий тон

¹ В формах **vò** и **bé** легко угадываются показатели нигеро-конголезских именных классов – классы 1 и 2 для одушевленных имен в единственном и множественном числе соответственно (ср. в языке фула, употребление в качестве местоимений 3 л. – маркеров именных классов **o** и **be**), что является сильным аргументом для отнесения языка догон к нигеро-конголезским.

плюс передний гласный *e* – множественное число, низкий тон плюс задний гласный – единственное число).

Почему бы ни выделить в таком случае морфему *e* (высокий тон) со значением «множественное число»? Прежде всего потому, что за такое решение придется дорого заплатить: в частности, придется решать – что делать с «остатком»? Придется выделить для 3 л. мн.ч. морфему **b-**, для 1 л. мн.ч. – морфему **èm-**, а для 2 л. мн.ч. – нулевую морфему. Затем придется в составе морфемы **èm** выделить морфему **-m** со значением «1 л.», и т.д. В результате, достаточно экономная модель описания, в которой, например, местоимение 1 л. ед.ч. описывалось бы комбинацией носового согласного и заднего гласного с низким тоном, не может быть, на первый взгляд, использована без радикального пересмотра минимум двух фундаментальных теоретических постулатов: 1) постулата о морфеме как минимальной значащей единице языка; 2) постулата об уровненом устройстве языка. Понятно, что для описания одной из местоименных парадигм в малоизученном языке догон (сегодня появились основания, говорить о двух десятках языков догон!) это было бы непомерно высокой платой. Проблема, однако, в том, что:

- а) подобные значащие сегменты морфем обнаруживаются если не во всех языках мира, то в большинстве из них;
- б) они встречаются не только в парадигмах местоимений, но и в парадигмах числа, рода (именного класса) и падежа, в парадигмах глагольной деривации, в парадигмах глагольных времен, видов и наклонений, они характеризуют многочисленные лексико-семантические группы, пронизывают поэзию.

Как было показано в [Поздняков 2003а], в нигеро-конголезских, нило-сахарских семьях, в группе чадских языков необычным является скорее отсутствие такого рода субморфных подстроек, чем их наличие. В этой статье обратимся к иллюстрациям из других групп языков, не рассмотренных в предыдущих публикациях. Приведем одну из местоименных парадигм в эрзянском языке (3):

(3)	sg.	pl.
1	мон	минь
2	тон	тынь
3	сон	сынь

Простая и элегантная система, устроенная практически так же, как в языке догон. Она тоже «зарифмована». Прочитаем этот рифмованный текст: *мон-тон, тон-сон, минь-тынь, тынь-сынь*. Можно поменять схему «рифмовки»: *мон-минь, тон-тынь, сон-сынь*. Такие «рифмованные» системы очень непросто интерпретировать. Если выделять в парадигме шесть морфем (традиционное решение), «за кадром» остается очевидная пропорциональность членов парадигмы. В этой парадигме **-н** – маркер ед.ч., а **-нь** – мн.ч. Задний гласный **о** – маркер ед.ч., а не-задний гласный **и/ы** – маркер мн.ч. В этой парадигме – **м**- маркирует 1 л., **т**- – 2 л., а **с**- – 3 л. Первый же взгляд на эрзянскую систему, вызывает ощущение *дежа вю*. Действительно, эрзянские местоимения практически клонируют французские притяжательные местоимения (4):

(4)	sg.	pl.
1	mon	mes
2	ton	tes
3	son	ses

Приведенные в (4) формы интерпретируются во французской традиции как шесть морфем и ни одной из самых «смелых» лингвистических школ не членятся дальше, несмотря на очевидную значимость **всех** без исключения сегментных компонентов

этих морфем. И это понятно. В лингвистической теории нет инструмента для того, чтобы членить морфемы на значащие составляющие элементы.

Заметим, что очень часто два генетически близких языка (со сходствами по Сводешу 70% и выше) используют не только различные, но и прямо противоположные средства частичной унификации означающих в парадигме морфем. Рассмотрим парадигмы местоимений в трех других финно-угорских языках – в карельском, финском и венгерском (5):

(5)	карельский	sg.	pl.	финский	sg.	pl.	венгерский	sg.	pl.
	1	mie	myö	1	minä	me	1	én	mi
	2	sie	työ	2	sinä	te	2	te	ti
	3	hiän	hyö	3	hän	he	3	ő	ők

В карельском мы видим практически то же, что и в эрзянском. Каждое из трех лиц имеет особую консонантную примету, связанную с тремя различными рядами начальных согласных. При этом, каждое из двух чисел имеет особую вокалическую примету: **iV** – ед.ч., **yö** – мн.ч. Отличие карельского от эрзянского состоит, в частности, в том, что в эрзянском огубленный гласный является приметой морфем ед.ч., а неогубленный – мн.ч., а в карельском – ровно наоборот. А ведь речь идет о родственных языках! Оказывается, что, изменяя (иногда кардинально) общую унаследованную систему, языки сохраняют не столько ее «букву», сколько ее «дух»: независимо друг от друга, карельский и эрзянский сохраняют вокалическую унификацию местоимений ед.ч., с одной стороны, и мн.ч., с другой.

В карельском унификации выражены менее сильно: мн.ч. – одинаковый гласный **ö**, ед.ч. – одинаковый гласный **e** для локуторов, но отличный гласный **ä** в составе местоимения 3 л. В финском унификации выражены более рельефно. Так же, как и в других финно-угорских языках, начальные согласные являются приметами лица, гласный **e** – приметой мн.ч., гласный **ä** – ед.ч. При этом числа маркируются и определенной структурой местоимений: местоимения мн.ч. – короче. Все они имеют структуру **CV**, в отличие от местоимений ед.ч. со структурой **CVC(V)**. И, наконец, местоимения-локуторы ед.ч. маркируются особым сегментом **-nä** и соответственно особой структурой **CVCV**. Как и в других рассмотренных языках, в составе финских местоимений нет ни одного сегмента, который бы не был задействован в сигнализации формальных сходств морфем с общим семантическим признаком!

Следует отметить, что такие системы, в которых формально маркируются практически все оппозиции, выделяемые в парадигме, встречаются достаточно редко. Значительно чаще встречаются системы, организованные по типу венгерской. В соответствующей венгерской парадигме передний средний гласный (**é, e**) является приметой 1-2 л. ед.ч., передний закрытый гласный (**i**) – приметой 1-2 л. мн.ч, а гласный **ó** – приметой обоих местоимений 3 л. При этом, в местоимениях 1 л. и 2 л. морфемы разных чисел также содержат общие (консонантные) элементы: носовой согласный – 1 л., согласный **t** – 2л.

Параллельно, независимо друг от друга, сотни, если не тысячи, языков стремятся к формальной подстройке сегментов противопоставленных членов парадигмы. Некоторые языки решают эту задачу виртуозно. Сформулируем ее в одном из наиболее экстремальных вариантов. Допустим, что языку очень нужно, чтобы в одной парадигме местоимений, включающей шесть членов, одновременно выражались бы формальные сходства: 1) местоимений обоих чисел каждого из трех лиц, 2) местоимений-локуторов ед.ч. (1-2 л.), 3) местоимений-локуторов мн.ч., 4) всех местоимений-локуторов (1-2 ед.ч.-мн.ч.) в их оппозиции с местоимениями 3 л., 5) обоих местоимений 3 л. в их оппозиции с местоимениями-локуторами. Это нетривиальная задача даже для искусственного языка, который можно творить с нуля, а для естественного языка,

который жестко связан определенной генетической преемственностью и синхроническими структурными ограничениями, это запредельная сложная задача, тем более, что местоименные морфемы, как правило, очень короткие. И, тем не менее, многие естественные языки ее решают – и решают ювелирно. Рассмотрим парадигму местоимений в турецком языке (6):

(6)	sg.	pl.
1	ben	biz
2	sen	siz
3	o	onlar

Приметой 1 л. является **b-**, приметой 2 л. – **s-**, приметой 3 л. – **o-**, местоимения-локуторы ед.ч. имеют примету **-en**, локуторы мн.ч. – примету **-iz**, локуторы обоих чисел маркируются структурой CVC в отличие от не-локуторов. Для полной гармонии не хватает, пожалуй, лишь приметы для всех местоимений ед.ч., а также для всех местоимений мн.ч.

Убедимся в том, что каждый язык решает эту головоломку независимо от других – рассмотрим соответствующую парадигму в другом тюркском языке, в чувашском (7):

(7)	sg.	pl.
1	эпĕ	эпир
2	эсĕ	эсир
3	вăл	вĕсем

Приметой 1 л. является **-п-**, приметой 2 л. – **-с-**, приметой 3 л. – **в-**, местоимения-локуторы ед.ч. имеют примету **-ĕ**, локуторы мн.ч. – примету **-ир**, локуторы обоих чисел маркируются начальным гласным **э-**, в отличие от не-локуторов. Таким образом, приметы здесь другие, но характер формальной подстройки абсолютно идентичен.

Обратимся к другой семье и рассмотрим три индоевропейских примера – из славянских, кельтских и балтийских языков (8):

(8)	македонский	sg.	pl.	бретонский	sg.	pl.	латышский	sg.	pl.
	1	јас	ние	1	me	ni	1	es	mēs
	2	ти	вие	2	te	c'hwi	2	tu	jūs
	3	тој	тие	3	eñ	int	3	viņš	viņi

В македонском: примета местоимений мн.ч. – **-ие**, примета 3 л. – **т-** (возможно, эта же примета маркирует и 2-3 л. ед.ч.). В бретонском есть общие приметы как минимум для обоих чисел: ед.ч. – **e**, мн.ч. – **i**. В латышском формируются приметы для всех трех лиц: 1 л. – **es**, 2 л. – **u**, 3 л. – **vin**. Очевидно, что в каждой из трех систем субморфные унификации сформированы независимо друг от друга, и при этом в каждой системе они востребованы.

На самом разнообразном языковом материале мы наблюдаем одно и то же: парадигмы родственных языков, развивающиеся из одного источника, демонстрируют устойчивую тенденцию к субморфному маркированию грамматических категорий, причем характер такого маркирования (распределение субморфов в парадигме) может неоднократно меняться в диахронии. На примере многочисленных креольских языков можно показать, что самые разнообразные формальные подстройки местоименных форм развиваются в языках за предельно малые периоды, ограниченные несколькими веками. Рассмотрим португальскую систему и несколько восходящих к ней креольских парадигм (по [Teysier 1988], крупнейшему авторитету в области португальского языка). В (9) приводятся две исходные португальские парадигмы и соответствующие

дочерние парадигмы в юго-восточном идиоме креольского языка Зеленого Мыса (Sotavento, букв. 'подветренный', ниже – «южный ЗМ»):

А) португальский Объектн.			Б) португальский Посессивн.			В) южный ЗМ			Г) Южный ЗМ		
	sg.	pl.		sg.	pl.		sg.	pl.		sg.	pl.
1	mi(m)	nós	1	meu	nosso	1	mi	nos	1	ña-,mja-	nos-
2	ti	vós	2	teu	vosso	2	bo	ños	2	bu-	ño
3	ele (M) ela (F) si (réfl.)	eles (M) elas (F) si (réfl.)	3	seu (dele)	seu (deles)	3	el	es	3	se-,si-	ses-

В португальском обнаруживается типичная индоевропейская система с тремя субморфными унификациями внутри каждой парадигмы: общие приметы обнаруживают 1-2 л. мн.ч. (**ós, osso**); 1-2 л. ед.ч. (**i, eu**); 3 л. ед.ч.-мн.ч. – структура VCV(C) в противоположность структурам с начальным согласным CV(C) у местоимений-локуторов 1-2 л.; полная унификация возвратных местоимений (**si, seu**); конечный **-s** как примета всех трех плюралных форм.

В южном ЗМ (более архаичном по сравнению с северо-западными идиомами креольского языка Зеленого Мыса) появляются новые элементы: 1) **bo** < порт. **vós**, 2) **ños** < порт. (*os*) *senhores*, 3) **ña-, mja-** < порт. *minha* 'моя'. В результате характер унификаций меняется: в исходной системе в 1-2 ед.ч. – общий гласный, в дочерней системе – губной согласный (**m-,b-**); сближаются еще больше формы 1-2 мн.ч. (в креольском они различаются только по признаку «палатальность» у носового согласного – **nos ~ ños**). В целом же распределение субморфных унификаций остается прежним.

Во многих же других вариантах креольского языка принципиально меняется и сама конфигурация субморфных связей. Рассмотрим лишь четыре примера таких радикальных изменений протосистемы (10), ограничившись серией эмфатических местоимений (северо-западные идиомы креольского языка Зеленого Мыса – *barlavento*, буквально 'наветренный', ниже «северный ЗМ»; креольский Принсипе; креольский Сан-Томе; креольский Гвинеи-Бисао):

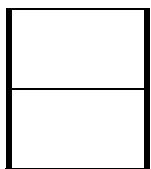
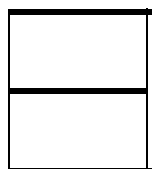
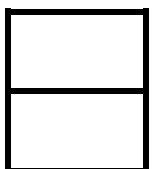
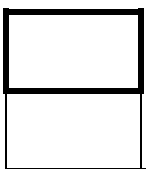
А) северный ЗМ			Б) Принсипе			В) Сан-Томе			Г) Гвинея-Бисао		
	sg.	pl.		sg.	pl.		sg.	pl.		sg.	pl.
1	mi	nos	1	ami, mi	nó	1	ami/ mu	nõ	1	amí	anós
2	bo	bzotã	2	atši, tši	ɔwɔ	2	bo	(i) ñasé	2	abó	abó(s)
3	el	es	3	éli	íne, ína	3	ele/e	ine	3	él	élis

Если в португальском, как мы видели, общие приметы выделялись в 1-2 л. ед.ч., с одной стороны, и в 1-2 л. мн.ч., с другой, то в северном ЗМ, благодаря появлению формы **bzotã** (< *vós outros*) сформировалась новая унификация по числу, то есть все унификации организованы по строкам, а не по столбцам: носовой согласный – примета местоимений 1 л., **b-** – примета местоимений 2 л., **e-** – примета 3 л. Прямо в противоположном направлении трансформируется система в (10Б). Передний гласный **i** является общей приметой местоимений ед.ч., а не-передний гласный – приметой местоимений мн.ч. При этом, в формировании примет по столбцу участвует форма **ɔwɔ**, имеющая африканское происхождение. Система (10В) – наименее унифицированная: единственной приметой является, возможно, носовой согласный во всех местоимениях мн.ч. Такая примета была в португальском, но она имела другую природу (конечный **-s**). И, наконец, система (10Г) – наиболее унифицирована: в ней больше примет, чем в португальском. Формы мн.ч. имеют конечный **-s**; есть все три унификации «по строкам»: 1 л. – **-N-**, 2 л. – **b-**, 3 л. – **-l-**; все местоимения-локуторы имеют общий

начальный гласный: **a-**, а оба местоимения 3 л. – начальный **é-**. При этом, в парадигме отмечена нейтрализация по числу: формы 2 л. ед.ч. и мн.ч. идентичны.

Итак, за несколько веков независимого развития, одни языки формируют унификации «по строкам», другие – «по столбцам». Есть языки, которые утрачивают унаследованные субморфные приметы, но большинство языков либо сохраняют их, либо даже увеличивают их количество, обнаруживая тенденцию к тотальному субморфному маркированию грамматических оппозиций.

Воспользуемся графической моделью, иллюстрирующей такие унификации. Оставим в модели только шесть кардинальных точек, соответствующих трем лицам и двум числам, и будем соединять линией те точки, для которых в парадигме отмечена субморфная примета. В нашей модели линии могут быть только горизонтальные и вертикальные, то есть мы будем соединять только соседние точки. Проиллюстрируем модель следующими примерами из рассмотренных выше систем (11):

(11) Принсипе, бретонский		северный ЗМ		догон, французский, эрзянский		турецкий	
sg.	pl.	sg.	pl.	sg.	pl.	sg.	pl.
1		1		1		1	
2		2		2		2	
3		3		3		3	

Возможны, естественно, и многочисленные другие комбинации. Наиболее общая картина такова. Ряд языков тяготеет к унификациям по числу (горизонтальные линии на нашей модели). Другие языки чаще унифицируют лица (вертикальные линии). Многие языки комбинируют эти две техники. Очень часто близкородственные языки обнаруживают принципиально разные стратегии унификаций. Естественно, возникает соблазн просмотреть как можно больше языков и предложить читателю типологию унификаций, в которой будут выделены конфигурации наиболее частые, а также те, которые встречаются крайне редко. Но, по крайней мере, по двум причинам такая типология представляется бессмысленной. Во-первых, в любом языке существует несколько парадигм местоимений, и уже первые наблюдения показывают, что очень часто субморфные унификации в разных местоименных парадигмах одного языка стремятся к дополнительному распределению: если в одной парадигме, например, в серии субъектных местоимений, формируются «горизонтальные» унификации, то в другой парадигме, например, в серии объектных местоимений – «вертикальные». Таким образом, конфигурация схемы характеризует не язык (который стремится, чтобы соединить унификациями члены всех оппозиций), а конкретную парадигму. Во-вторых, субморфные унификации стремятся к дополнительному распределению с морфемными нейтрализациями, а это значит, что распределение первых во многом зависит от распределения последних. Эти проблемы будут рассмотрены ниже, в отдельном разделе статьи.

Подобные унификации широко распространены в языках практически всех лингвистических семей, и при этом они никогда системно не изучались. Они характерны не только для местоимений, но и для других морфологических парадигм и, в частности, для парадигм именных классов. Многочисленные примеры субморфных подстроек в системах именных классов подробно рассматривались в предыдущих публикациях на эту тему (в частности, [Поздняков 1993, 2003б, 2006, Pozdniakov – Segerer 2006]). Поэтому здесь они приводиться не будут. Ограничимся лишь общим

выводом: в системах именных классов субморфные приметы грамматических категорий проявляются с такой же монотонной регулярностью, как и в парадигмах местоимений.

Фонетическое структурирование морфологический парадигм часто формируется, как будет показано ниже, за счет целенаправленных диахронических изменений по аналогии. Но это означает, что общие фонетические элементы семантически близких языковых единиц должны восприниматься носителями языка в синхронии.

1.2. Лексика: Фонетические ассоциации в Ассоциативном словаре русского языка

Одним из главных источников для изучения субморфов в синхронии могут служить материалы Ассоциативного словаря [РАС 2002] (далее – РАС). Большинство устойчивых ассоциаций, как показывают данные РАС, являются исключительно смысловыми и никак не связаны с фонетической формой слов. Так, например, одной из наиболее частых реакций на стимул *мост* является *река* («парадигматическая» ассоциация) или *деревянный* («синтагматическая» ассоциация), и фонетика здесь не при чем. Но, наряду с этими ассоциациями, РАС фиксирует системно проявляющиеся реакции на слово *мост*, которые имеют другую природу: *пост, рост, тост, нос*. В данном случае совершенно ясно, что семантика здесь не важна – устойчивые ассоциации возникают исключительно по фонетическому принципу².

Очевидно, что не следует искать семантических оснований и в ассоциациях, массово зафиксированных в РАС, вроде: *дзюдо ~ дзю после, ель – Ельцин, ж/д – м/ж, костра – коза ностра, люди – леди, мало – мыла, манускрипт – скрипка, мерку – Меркурий, минерал – генерал, министр – канистра, нельзя – зя, площадь – лошадь, попросят – поросят, признак – призрак, прическа – притча, редко – редька / редиска, решила – пришила, роль – рояль, самбо – Рембо, слухи – уши, справа – расправа, страус – Штраус, Шиллер – Мюллер*. Важно, что все приведенные ассоциации не относятся к разряду индивидуальных и встречаются минимум у двух респондентов.

Для того, чтобы проиллюстрировать уникальную роль субморфов в лексике, по материалам РАС был составлен список фонетических устойчивых ассоциаций. Под устойчивыми понимаются такие ассоциации, которые даны как минимум двумя респондентами (что практически исключает вероятность случайного объединения двух слов в ассоциативную пару). В нашем списке их оказалось 2600³. Вполне понятно, что критерии составления подобных списков в значительной мере субъективны. Часто затруднительно разделить фонетическую и семантическую мотивацию. Более того, многие примеры заставляют подозревать, что ассоциации плана содержания и плана выражения часто проявляются одновременно: *учитель – мучитель, хрупкий – хрусталь, тарактит – трактор, чай – чашка, яхта – бухта* и т.д. Такие примеры (а их оказалось очень много!) включались в список, поскольку они, собственно, и представляют наибольший интерес для исследования субморфов в синхронии.

Большинство фонетических ассоциаций в нашем списке представлены неодинаковыми морфемами в слове-стимуле и в слове-реакции. Исключение составляют однокоренные слова, семантика которых существенно разошлась. Так, например, ассоциация *пойти – выйти* не включена в список, а ассоциация *повод – вывод* – включена, поскольку она имеет скорее фонетическую мотивацию, чем семантическую, так же как и в таких ассоциациях, как *позор – обзор, походка – находка, похожий – прохожий, участие –*

² Отметим, что три из четырех фонетических ассоциаций в нашем примере образуют со словом-стимулом *мост* минимальные пары.

³ С полным списком можно ознакомиться в [Pozdniakov Материалы].

причастие и т.п., или же – фонетическую и семантическую одновременно: *стелить – постель, упасть – в пропасть, упразднить – праздник, расческа – прическа* и др.

Остановимся здесь лишь на отдельных особенностях списка фонетических ассоциаций, имеющих отношение к интересующему нас сюжету:

1. Звуковых ассоциаций на порядок меньше, чем семантических. Тем не менее, для 150-ти словоформ-стимулов в РАС именно звуковые ассоциации являются наиболее частотными. Приведу некоторые примеры, еще раз подчеркнув, что во многих случаях фонетическая мотивация проявляется параллельно с семантической. Цифры обозначают количество респондентов для каждой ассоциации: *оно – окно 38, слог – слово 13, упасть – в пропасть – 36, от – до 20, балка – палка 10, руки – крюки 8, тогда – когда 19, как – так 16, куда – туда 13, нам – вам 14, пытка – попытка 11, мразь – грязь 10, шустрый – быстрый 10, сани – едут сами 8* и др. Напомним, что приведенные ассоциации являются по данным РАС наиболее частотными. Рассмотрим еще несколько таких ассоциаций: *Христос – воскрес 122, голод – холод 106, стол – стул 86, весна – красна 85, грянет – гром 85, глаз – алмаз 58, билет – на балет 53, правый – левый 51, зодиак – знак 41, редко – но метко 30, фокус – покус 29, шик – блеск 29, стяг – флаг 28, шило – мыло 24 сват – брат 22, шина – машина 18, сполна – получить 16, тишь – глушь 11.*

2. Очень важна в фонетических ассоциациях роль классических минимальных пар – они составляют 480 ассоциаций из 2600. Приведем лишь отдельные примеры: *бремя – время, бы – вы, дело – тело, вас – нас, великан – пеликан, вина – вино, воздь – дождь, гам – ГУМ, гну – пну, горб – герб, горб – горы, девица – певичка, девушка – дедушка, девять – десять, дым – дом, еда – Ева, жалость – малость, запевай – запивай, кадрили – кадришь, лист – чист, капитал – капитан, кит – кот, коготь – ноготь, король – пароль, мало – мыло, мало – сала, Маша – наша, МГУ – ЛГУ, мода – года, пальцев – Мальцев, паук – наук, пицца – пища, потом – потоп, радость – гадость, река – рука, сват – свят, танцы – манцы (наряду с иманцы), терзание – дерзание, тише – мыши, тише – ниже, Фаустус – маустус, физик – шизик, хвоя – твоя, чадо – чудо, чадо – надо, часть – честь, часть – масть, Шиллер – шулер* и сотни других минимальных пар. Любопытно, что различие места ударения не препятствует образованию минимальных «сегментных» (иногда «графических») пар в устойчивых ассоциациях: *бесы – весы, горох – порох, долото – золото, кафе – кофе, колодец – молодец, некто – никто, щека – щука* и т.д.

3. Наряду с классическими минимальными парами, в ассоциациях выделяется мощный пласт пар, построенных по принципу наращивания / усечения означающего в слове-стимуле типа *мучитель – учитель*. В них в качестве реакции выступает слово, полностью входящее в слово-стимул или наоборот. 300 звуковых ассоциаций из 2600 представляют именно этот случай. Наиболее часто «дополнительный сегмент» встречается в начале слова: *брод – род, взять – зять, глухо – ухо, жить – дружить / тужить, зал – вокзал, неудачник – дачник, оса – коса / колбаса, остальной – стальной, под – подвал, поживать – жевать, раб – прораб / краб, ролик – кролик, роль – пароль / король, рот – шире ворот, совесть – есть, удочка – дудочка, хоровой – вой, я – свинья / семья*, и т.д. Примеры «дополнительных» сегментов в медиальной позиции: *весь – взвесь, вешний – внешний, вранье – воронье, газ – глаз, даром – дам, дворик – дворник, домой – домовой, зенит – звенит, кошмар – комар, кров – коров, лось – лосось, масло – мало, ноги – ногти, она – одна, попросят – поросят, приватизация – прихватизация, редька – редиска, тепло – тело, тюрьма – тьма*, и т.д.. Несколько реже «дополнительные» сегменты встречаются в конечной позиции: *бы – бык, выбор – Выборг, до – дома, жаль – жало, Кент – кентавр / Кентукки, лаконичный – лак, мелкий – мел, мерку – Меркурий, не – нет, пик – пикник, ползать – пол, пруд – пруди, спор – спорт, сыро – сыр, токарь – ток, хобби – хоббит*. Начало и конец слова:

негодяй – гад, река – пережат. Как и в случае с ассоциативными минимальными парами, разное место ударения не является непреодолимым препятствием для образования ассоциаций: даже – драже, кандалы – скандалы, лечить – калечить, мор – юмор, они – кони, семь – восемь, тупица – ступица, узы – узлы, утра – утрата.

4. Приблизительно 50 ассоциации из списка построены по принципу метатезы – полной (год – дог, но – он, от – до) или частичной: горб – гроб, конечно – кончено, кто – кот, мизерный – размер, минута – внимания, пива – выпить, положить – на лопатки, почти – точно, правый – поворот, просо – рассыпать, рифма – фирма, сполна – отплатить, тихий – ход, трезво – взгляд, трость – старинная, увидать – удивиться, чадо – дочь, чему – учат, шалун – малыши, штурмовать – вершину, шум – в ушах, шум – мешает, шуметь – камыши, шутка – штука, щедрый – товарищ, этап – пути, от-пра-вить – к пра-от-цам (слоговая метатеза!) и др.

5. Источником фонетических ассоциаций часто являются конкретные литературные тексты (картина – корзина, буржуй – жуй, древнее – поверие, горилла – говорила, одеяло – убежало, малыши – Кибальчиши и т.п.), фильмы (тюльпан – Фанфан, подлый – Леопольд, хмель – имель и пр.) и/или песни (песен – тесен, непохожий – прохожий, билет – на балет, нет конца – у кольца и т.п.) – сфера Речи. Еще больше фонетических ассоциаций формируется на основе фразеологизмов и устойчивых словосочетаний – в сфере Языка (в РАС приблизительно 180 таких ассоциаций, причем 40 из них являются наиболее частотными для слов-стимулов): галопом – по Европам, коза – дереза, старость – не радость, тень – на плетень, шило – мыло, сват – брат, городить – огород, пытка – попытка, руки – крюки, трава – мурава, дружба – служба, рожь – кожа, елка – палка, редко – метко, нараспашку – рубашка, алмаз – глаз, радуга – дуга, маленький – удаленький, рука – владыка, сорока – белобока, конь – огонь, конец – венец, коса – до пояса, опять – двадцать пять, плетень – тень, бор – сыр, кошка – мышка, бы – кабы, взятка – гладка, пух – прах, почему – по кочану, пусто – место, тюрьма – сума, уж – замуж, дверь – Тверь, руки – в брюки, смех – и грех, старуха – проруха, жить – быть, коса – краса, хороша – Маша, сплеча – сгоряча, книга – фига, сложно – но можно, трава – трын и т.д.

Этот, по необходимости краткий, обзор фонетических ассоциаций, как представляется, прямо подводит нас к еще не существующей области лингвистики или – более мягко – к области, где накоплено много данных, но до сих пор отсутствует серьезная теоретическая база, отдельные элементы которой и обсуждаются в этой статье.

Прежде всего, приведенные примеры еще раз убеждают в том, что фонические элементы являются мощным инструментом для сопряжения смыслов. За ассоциацией носитель языка обращается или к «базе мини-текстов», фиксируемых словарем (если бы да кабы, маленький да удаленький, семь раз отрежь – один раз отмерь), или к литературным цитатам (корзина, картина, картонка), или же к «звуковым параллелям» – не всегда востребованным словарем, но уже закрепившимся в речи (хрупкий – хрусталь, тарактит – трактор, лист – чист, чадо – чудо, неудачник – дачник, приватизация – прихватизация, шутка – штука, отправить – к праотцам).

Заметим, что устойчивые ассоциации типа хрупкий – хрусталь, тарактит – трактор не фиксируются словарем, поскольку не являются цельными словосочетаниями, но они характеризуются в речи повышенной частотой, в чем легко убедиться, обратившись к поисковым системам, например, к Google. Созвучие слов, связанных с сопряженными смыслами (в нашем примере хрупкий и хрусталь), открывается каждый раз заново носителями языка и включается в тексты: ср. у Черубины де Габриака «...сердце при первой же ласке / Разбилось, как хрупкий хрусталь», которые в свою очередь закрепляют ассоциацию в коллективном сознании. Рискну предположить, что два больших поэта – В.Высоцкий и И.Бродский – независимо друг от друга открыли

длинную минимальную пару оппозиции плавных согласных **бутылка ~ Бутырка** («Чем в *бутылке*, лучше уж в *Бутырке* посидеть!» – В.Высоцкий; «Вспоминаю выпитые *бутылки*, / вологодскую стражу, Кресты, *Бутырки*» – И.Бродский), как и А.Вознесенский («Пляска бутылок, блузок, грудей – / это в Бутырках ...»), как и тысячи поэтов-любителей, которые самостоятельно открывали эту пару до них и после них. Эту пару открывали для себя и многие заключенные, и их родственники – большие и маленькие: «О своих родителях она говорила “Папа в Бутылке (Бутырках), а мама в мешке (Москве)”» (Н.М.Гершензон–Чегодаева, цит. по [НК]). Вероятно, сам факт повышенной частоты появления в речи сочетаний слов, похожих в звуковом отношении, является одним из доказательств существования фонических единиц, формально сигнализирующих такое сходство в синхронии.

С интересующей точки зрения различия между ассоциациями *еда – Ева*, с одной стороны, и *телеграмма – от гипнопотама*, с другой, оказываются не столь существенными: в обоих случаях, носители (самостоятельно или по литературной подсказке) «группируют» два слова, благодаря тому, что у этих слов имеются как **различные**, так и **общие** сегменты. Иными словами, в каждом из примеров образуется два контекста: «сильный», разные сегменты («позиция различения»), и «слабый», одинаковые сегменты («позиция нейтрализации?»). Но в этом и состоит проблема: рассматриваемые примеры никак не могут быть охарактеризованы через нейтрализацию оппозиций – в том смысле, в каком мы привыкли использовать этот классический термин. Ниже нам необходимо будет остановиться подробнее на понятии нейтрализации и возможностях его применения к интересующим нас явлениям. Здесь же уместно вернуться к вопросу: если это оппозиции неких единиц, то с какими же единицами мы имеем дело, когда мы пытаемся выделить фоническую составляющую ассоциаций в каждом из приведенных здесь примеров?

«Переплет книги» смысловых ассоциаций соткан из звуков. Паутина созвучий опутывает смыслы (5 респондентов РАС дают к слову *паутина* ассоциацию *опутала*). Мы можем гулять по словарю, переходя от одной звуковой ассоциации к другой, а значит, от одного смысла – к другому: *враг* ↔ *овраг*⁴ → *огород* ↔ *огурец* ↔ *молодец* ↔ *колодец* → *палец* → *подлец* → *огурец* ↔ *горький* ↔ *город* → *молод* ... При этом, реакция *молодец* устойчиво фиксируется для большой группы слов-стимулов, а именно: *колодец*, *кузнец*, *молоток*, *молчун*, *мудрец*, *огурец*, *отец*, *подлец*, *сорванец*, *умница*, *хитрец*, *Штирлиц*. Это значит, что в приведенную цепочку ассоциаций могут на соответствующем этапе вплестаться другие цепочки, и наоборот – практически на каждом звене цепочка может разветвляться. Так, от того же слова-стимула *враг* строятся и другие ряды фонетических ассоциаций, например: *враг* ↔ *друг* → *круг* ↔ *вдруг* → *испуг* → *недуг* → *вдруг* → *подруга* → *супруга* ... В упрощенном варианте трансформации ассоциаций напоминают игру «Сделай из мухи слона», в которой последовательным изменением одной из букв слово *муха* превращается в слово *слон*.

2. Субморфы: синхрония и диахрония

2.1. Реальность субморфов в сознании говорящих

Массовый характер фиксируемой фонетической ассоциации может рассматриваться как одно из основных доказательств **реальности** субморфа в сознании говорящих.

Конечно же, в этом плане наиболее убедительны факты языка (фразеологизмы, устойчивые сочетания слов), фонетическая структура которых помогла им «закрепиться» в языке, в ходе диалога между языком и речью: *тень на плетень*; *не в*

⁴ Знаком [→] обозначены однонаправленные ассоциации от стимула к реакции, знак [↔] обозначает, что ассоциация имеет двустороннюю направленность: стимул ↔ реакция.

службу, а в дружбу; яблочко на тарелочке и т.п. В частности, в последнем случае вполне очевидна релевантность субморфа **-лочк** для говорящего, – настолько очевидна, что ее можно не доказывать.

Менее очевидна реальность грамматических субморфов вроде **-аш** в паре *наш – ваш*. Но и их реальность в большинстве случаев можно доказать. Достаточно обратиться к **ассоциативному словарю**, если он существует, или, если его нет, к **Интернету**. Поразительно, насколько привлекательной оказывается комбинация этих слов в рекламе! Вот произвольно выбранные примеры среди тысяч подобных: «Было ваше – стало наше!», «Ни нашим, ни вашим!», «И нашим, и вашим», «Наш товар – ваш купец!», «Ваши вопросы, наши ответы», «Про нашего вашего», «от наших вашим», «Бензин – ваш, идеи – наши» и т.д. Можно поменять язык и убедиться в том, что и для французов субморф **-otre** в *notre – votre* – это вполне осознаваемая реальность: «Votre non est notre non», «Votre commerce, c'est notre affaire», «Notre engagement à votre égard», «Votre maison, notre engagement», «Notre passion à votre service», «Notre passion, votre avenir!», «Notre technologie – votre voyage», «Votre secrétariat, notre engagement», «Notre amour, c'est votre rêve», «Votre Histoire est la notre», *etc.* В данном случае формальным доказательством реальности субморфов может служить элементарная **статистика**. Можно предложить множество убедительных статистических экспериментов, которые покажут, что частота сочетаний *наши – ваши* или *notre – votre* в разнообразных текстах является безусловно более высокой, чем мы ожидали бы исходя из частоты *наши (notre)*, с одной стороны, и *ваши (votre)* – с другой.

Статистика, как правило, срабатывает и в пограничном состоянии между языком и речью. Как отмечалось выше, опыты с поиском в Google (здесь нет возможности останавливаться на деталях подробно) показывают, что сочетания вроде *хрупкий хрусталь* более значимы для носителя, чем, например, сочетания *хрупкое стекло* или же *хороший / битый хрусталь*. Устойчивые ассоциации типа *хрупкий – хрусталь, тарактит – трактор* не фиксируются словарем, поскольку не являются цельными словосочетаниями, но они характеризуются в речи повышенной частотой.

Все рассмотренные случаи (*яблочко на тарелочке, наш – ваш, хрупкий хрусталь*) обречены как на попадание в ассоциативный словарь, так и в статистику повышенной встречаемости слов. По-видимому, наиболее эффективным методом для выявления всех релевантных субморфов являются все же **данные ассоциативного словаря**. Не думаю, что статистика может убедительно показать связь *гость* и *кость*, но 17 ассоциаций между этими словами в РАС практически однозначно подтверждают присутствие такой связи в сознании говорящих.

Наряду с рассмотренными выше доказательствами (повышенная частота употребления, массовые ассоциативные связи), существуют и другие – возможно, еще более весомые – свидетельства реальности субморфов. Главное такое свидетельство обнаруживается в диахронии. Так называемые **изменения по аналогии** (а к ним, что ясно было уже Соссюру, относится большинство диахронических изменений) происходят только потому, что субморф (сегодняшний или завтрашний) реально существует: он фиксируется или формируется в речи, а потом – в отдельных случаях – закрепляется в языке. Соссюр, был, по-видимому, первым, кто предложил диахроническое доказательство реальности синхронных внеморфемных унификаций (через изменения по аналогии): «... аналогия есть явление грамматического порядка: она предполагает осознание и понимание отношения, связывающего формы между собой. <...> Аналогия может, таким образом, служить несомненным доказательством того, что данный формативный элемент в данный момент существует как значимая единица» [Соссюр 1977, с.199; 205]. Рассмотрим вопрос о формировании субморфов подробнее.

2.2. Откуда берутся субморфы?

Если субморфы реальны, правомерно задать вопрос, как они возникают? По-видимому, есть три основных способа их формирования:

1) **Субморфы возникают в результате слияния разных морфем** и образования амальгамных форм. Рассмотрим парадигму притяжательных местоимений волоф (12):

(12)

волоф	sg.	pl.
1	sama / suma	sunu
2	sa	seen
3	-am	seen

Происхождение этих форм неизвестно – историческая грамматика волоф еще не написана. Тем не менее, чисто поверхностное сравнение притяжательных местоимений с местоимениями других серий, например, с серией объектных местоимений, прозрачно указывает на существование в прошлом самостоятельной морфемы со значением притяжательности, которая в сочетании с местоименными морфемам образовала амальгамные формы посессивов, формальной приметой которых в синхронии является субморф [s-] (особое маркирование формы 3 л. ед.ч. является типичным для системы волоф). Очень интересные примеры развития субморфов из морфем в индоевропейских языках приводит Вяч.Вс.Иванов, в частности в [Иванов 2004].

2) **Субморфы возникают «случайно».** Формы в морфологических парадигмах, как правило, короткие; инвентарь теоретически возможных фонем ограничен, и всегда существует возможность, что выделяемые лингвистом общие приметы для двух знаков возникли в результате случайных процессов или же процессов, которые не имели никакого отношения к формированию субморфемных унификаций в парадигме. Допустим, что в языке формы местоимений 3 лица включают начальный губной согласный в ед.ч. и во мн.ч., а формы местоимений 1 и 2 лиц не имеют губных согласных. Значит ли это, что у нас есть основание выделять субморф «лабиальность» для 3 лица?

Проведем эксперимент. Откроем любую книгу на любой странице, например [Старостин 2007, страница 500]. Будем считать, что первый слог на этой странице соответствует местоимению 1 л. ед.ч., первый слог на странице 501 – местоимению 1 л. мн.ч., первый слог на следующей странице – местоимению 2 л. ед.ч. и т.д. В итоге получаем следующие шесть форм нашей искусственно построенной парадигмы (13)⁵:

(13)

*	sg.	pl.
1	фо	все
2	бо	во
3	ре	ис

Перед нами – парад «субморфов». Все «местоимения»-локуторы содержат губной согласный, а местоимения 3 л. – дентальный. «Истинные локуторы» («я», «ты», «вы»), обозначающие реальных участников коммуникации, имеют гласный [o], а другие местоимения – передний гласный (объясняем отнесение «мы» к не-локуторам его возможным эксклюзивным значением – «мы вчера с друзьями ..., но не вы»). Если допустить фонетическую интерпретацию форм, то разделятся местоимения 1 л., с одной стороны (глухой губной [ф]), и 2 л., с другой (звонкие губные [б], [в]). Проблема

⁵ На страницах 500-505 оказалась известная статья С.А.Старостина «Заметки о древнекитайском языке». Приведем шесть слов, которые были использованы для эксперимента: *фонологические, все, более, возникновение, ретрофлексные, использовались*.

однако в том, что в данном случае мы знаем, по какому принципу построена парадигма, и наш случайный принцип не имеет никакого отношения к субморфам.

На первый взгляд, наш эксперимент может служить веским контраргументом против выделения субморфов в реально зафиксированных синхронных парадигмах. Но действительно ли случайный характер соединения сходных фонических сегментов в парадигме препятствует процессу их семиотизации? Скорее наоборот. В семиозисе на всех уровнях мы наблюдаем, как случайному сходству двух знаковых единиц может быть придан новый смысл, и – подчеркнем еще раз – носителю совершенно безразлично, получает ли он «подсказку» из праязыка или же она возникает благодаря случайному стечению обстоятельств. Созвучие корневых сегментов в *калина* – *малина* случайно, что не помешало этой минимальной паре закрепиться в речи, а потом и в языке. В исторически случайном сочетании *пух* – *прах* безусловно выделяется фонетическая основа, как и в *конь* – *огонь*, как и в сотнях других подобных примеров, в которых очевидна случайность фонетической базы соединения смыслов. Судя по материалам ассоциативных словарей, случайные созвучия – основной источник формирования субморфов.

- 3) **Субморфы возникают в результате изменений по аналогии.** В тех случаях, когда сходство значений осознается раньше, чем сходство форм, в диахронии может произойти фонетическое сближение двух морфем, то есть произойти изменение по аналогии. В русском языке такого рода изменения происходят значительно чаще на супрасегментном уровне (менее радикальная операция), чем на сегментном (более радикальная операция), а именно в ходе изменения ударения, – изменения, не мотивированного ни фонетически, ни морфологически.

Множество таких примеров собрано в пионерских статьях Зализняка [Зализняк, 1977б, 1989]. Так, в прилагательных *лЕвый* – *пРАвый* произошло выравнивание ударения (было **левЫй* и **пРАвый*). В украинском языке ударения тоже подстроились, но в обратном направлении: *лівИй* – *деснИй*. Произошла подстройка ударения и в исходных формах **другОй*, **вторОй*, **инОй* (> *другОй*, *вторОй*, *инОй*). В украинском языке формальная примета этой семантической группы сформировалась в результате противоположно направленного изменения: > *дрУгий*. В формах, развивающих **шестОй*, **сЕдмый*, **Осмый*: в русском языке сегодня во всех формах ударение падает на окончание, а в украинском – во всех формах – на основу – *шОстый*, *сЁмый*, *вОсьмый*, как и в белорусском. А.А.Зализняк показал, что у прилагательных, обозначающих физические недостатки и, в целом, связанных с отрицательной оценкой, ударение переходит на окончание и становится формальной приметой данной группы слов: *немой*, *слепой*, *хромой* (из *хрОмый*), *больной*, *седой*, *плохой*, *дурной*, *лихой*, *бухой*, *холостой*, *скупой* (из *скУпый*). За цветоименованиями закрепилось постепенно ударение на основе – *кРАсный*, *чЁрный*, *бЕлый*. Единственное исключение, по Зализняку, прилагательное *голубОй*, которое является единственным прилагательным цвета, не имеющим краткой формы м.р. Заметим, что, отличаясь от прилагательных цвета в полных формах единственного числа, а также в кратких формах мужского рода, прилагательное *голубой* подстраивается под них в сравнительной форме и в кратких формах женского / среднего родов и множественного числа. В этих формах ударение у цветоименований падает на окончание (*краснЕе*, *краснА*, *краснО*, *краснЫ*), отсюда и нестандартный тип ударения 1b в слове *голубой* (*голубЕе*, «были дали *голубЫ*»). В русском языке 10 односложных прилагательных, имеющих в Грамматическом словаре [Зализняк, 1977а] индекс /' / и предполагающих, в частности, ударение на окончание в кратких формах среднего рода. Четыре из них – названия цвета: *белый*, *желтый*, *красный*, *пестрый*. Таким образом, намечается регулярная тенденция не только унифицировать прилагательные цвета (ударение на основу), но и подчеркнуть значимость этого субморфа контрастным ударением в краткой форме среднего рода

(ударение на окончание). Прилагательное *синий* – единственное прилагательное с мягким конечным согласным основы, у которого в сравнительной форме и в краткой форме женского рода ударение падает на окончание: *синЕе, синЯ*. Причина этого отклонения вполне понятна: формальная подстройка семантически близких слов (позиция ударения в парадигме прилагательных цвета) оказывается важнее, чем фонетическая норма для основ с мягким согласным.

А.А.Зализняк приводит и, возможно, самый яркий пример звуковой организации парадигмы в ходе изменений по аналогии. По Зализняку, в парах *высокий – низкий, глубокий – мелкий, широкий – узкий, далекий – близкий* большая степень качества маркируется «лишним» слогом, что приближает указанные слова к иконическим знакам: в каждой из приведенных оппозиций меньшая степень качества представлена словами с односложной основой, а большая – двусложной [Зализняк, 1977б, 1989]. Этот пример детально рассмотрен в [Батожок 2007]. Опираясь на открытия Зализняка, автор показывает, что фонетическая подстройка парадигм в прилагательных пространственной оценки не исчерпывается приведенными Зализняком признаками. Во-первых, автоматически таким признаком становится ударение: на второй слог в «сильных» словах – на первый слог в «слабых». Во-вторых, у всех «сильных» слов нестандартное ударение отмечено в краткой форме среднего рода: *высок-О/-И, глубок-О/-И, широк-О/-И, далек-О/-И*, причем из 20000 русских прилагательных данное отклонение отмечено **только** в четырех приведенных формах! В результате пропорциональная смена ударения характеризует не только полные формы, но и краткие: *высокО – нИзко, глубокО – мЕлко, широкО – Узко, далекО – бЛИзко*, при котором ударение на основу чередуется с ударением на окончание (первый слог – третий слог).

Наряду с субморфами, которые формально подчеркивают **оппозицию** форм, выделяются субморфы, **общие** для всех восьми форм, которые интегрируют их в парадигму. В частности, **все** восемь членов парадигмы пространственной оценки включают конечный **-к** основы.

Такого рода подстройки обеспечиваются изменениями по аналогии. В этом плане особый интерес представляют формы сравнительной степени, которые **все без исключения** относятся к нестандартным: *вЫше, нИже, глУбже, мЕльче, шИре, Уже, дАльше, бЛИже* вместо ожидаемых **высОче, *низОче, *глубОче, *мелОче, *ширОче, *узОче, *далЕче, *близОче*. У каждой из четырех форм «сильных» прилагательных «незаконно» исчезает один слог – в результате отмеченная Зализняком оппозиция в полных формах по количеству слогов нейтрализуется в контексте форм сравнительной степени (два слога в каждой из восьми форм). Но коль скоро сильные формы подстроились по своей структуре под слабые, все четыре слабые формы претерпели нестандартные фонетические изменения, в результате которых в сравнительной степени сильные формы все же противопоставляются слабым по другому признаку – качеству конечного согласного основы: *выш-е – низ-е, глубж-е – мельч-е, шир-е – уж-е, дальш-е – ближ-е*.

В статье Н.И.Батожок выделены и другие формальные приметы сходств и различий в этой исключительно интересной парадигме. У сильных прилагательных первый слог открытый (**вы-** в *вы-со-кий*), а у слабых – закрытый (**низ-** в *низ-кий*). У сильных прилагательных второй слог открытый (**-со-** в *вы-со-кий*), а у слабых – закрытый (**-кий** в *низ-кий*). У сильных прилагательных в основе 2 слога (**вы-сок-**), а у слабых – один (**низк-**). У сильных прилагательных в основе 2 гласных, а у слабых один. На супрасегментном уровне, у сильных прилагательных ударение падает на второй слог, а у слабых – на первый.

Итак, сопоставляя четыре парадигмы (полные / краткие формы мужского рода, краткие формы среднего рода и сравнительная степень), в каждой из которых по восемь форм, мы видим множество формальных примет, по-разному объединяющих или же противопоставляющих «сильные» и «слабые» формы пространственной оценки, причем большинство этих примет сформировалось в результате **нерегулярных изменений по аналогии**. Отметим, что в одних случаях стратегия языка ориентирована на формирование «объединяющих» субморфов, в других случаях – субморфов, формально эксплицирующих оппозицию. Во втором случае язык стремится **противопоставить** оппозитивные смыслы по максимально возможному количеству формальных признаков. В первом случае – максимально **унифицировать** оппозитивные формы с тем, чтобы немногочисленные различительные приметы выглядели предельно контрастно.

Какими критериями пользуется язык, выбирая либо первую, либо вторую стратегию? Некоторые наблюдения в этой области будут изложены в отдельном разделе о распределении субморфов в парадигме. Здесь же важно отметить два момента:

1) выявлением изменений по аналогии занимаются специалисты в области сравнительно-исторического языкознания и истории языка. Как правило, вопрос «Почему (для чего?) эти изменения происходят?» компаративистов не интересует и, возможно, не должен интересовать.

2) Синхронистов же изменения по аналогии не интересуют по определению.

Таким образом, эта область обречена оставаться на периферии лингвистических исследований.

2.3. Что происходит с субморфом в диахронии?

Субморф может исчезнуть, может сохраниться и продолжать «работать», а может и трансформироваться в морфему. Остановимся на последнем – наименее тривиальном – случае, который может служить еще одним доказательством реальности субморфов в сознании говорящих.

Обратимся к классической статье А.А.Зализняка (она не случайно посвящена Р.О.Якобсону – одному из первопроходцев в открытии субморфов) [Зализняк1967]. В ней предлагается новая интерпретация парадигм склонения в современном русском языке. В частности, Зализняк пишет, что «в современном русском склонении существуют формальные **элементы** (выделено мной, – *К.П.*), которые функционируют как самостоятельные показатели множественного числа, не зависящие от падежа. Такими показателями являются: *i* в адъективном склонении и *a* в субстантивном склонении. Ср. *тоj-í, тоj-í-x, тоj-í-m, тоj-í-m'i; dom-á, dom-á-x, dom-á-m, dom-á-m'i*. <...> ... в соответствии с предложенной трактовкой, например, словоформа Р. Ед. *дóма* должна рассматриваться как содержащая нулевой показатель ед. числа и показатель родительного падежа *a*, а словоформа И. мн. *домá* – как содержащая показатель мн. числа *á* и нулевой показатель именительного падежа». ([Зализняк 1967], цит. по [Зализняк 2002, 545; 549]).

Пример такого «полуагглютинотивного» (по терминологии Зализняка) разделения исключительно интересен. Сегменты морфем (*i* в адъективном склонении и *á* – в субстантивном) завоевывают статус самостоятельных морфем. По Зализняку, формирование новой морфемы *á* является одним из факторов экспансии окончания в формах именительного падежа мн.ч. – по подсчетам Зализняка, приблизительно в 250 словах развилось это окончание, при том, что ни в одном слове не зафиксирована мена окончания *á* на *i*. Перед нами – своеобразный случай грамматикализации, но не лексемы, а субморфа, в результате которой кумулятивный знак, например, морфема **ám**, объединяющая значения «множественное число» и «дательный падеж»,

разделяется на последовательность двух некумулятивных знаков: вначале **á** со значением «множественное число», а затем – **m** со значением «дательный падеж».

Насколько мне известно, А.А.Зализняк – единственный лингвист, который, развивая наблюдения Р.О.Якобсона о субморфах, описал этот механизм превращения субморфа в морфему. Между тем, рассмотренный пример русского языка далеко не уникален. В некоторых языках Нигер-Конго с развитыми системами именных классов обнаруживаются абсолютно точные аналогии фактам русского языка. Более того, они проявляются значительно ярче, чем в русском языке, где вывод о формальном разделении категорий падежа и числа, сделанный Зализняком, представляет изящное, но не очевидное решение.

Очень любопытен в этом плане пример языков тенда (атлантическая группа), в котором реально видно, как происходит расслоение парадигм именного класса и числа. Это достаточно компактная группа языков, и для праязыка этой группы вполне надежно можно реконструировать не только маркеры именных классов, но и корреляции по числу. Достаточно надежно прослеживается и эволюция системы именных классов вплоть до современных языков группы.

Именные классы пратенда представлены следующими морфемами:

- ед.ч.: **ā, ʔa, lɛ/dɛ, yɛ, dyɛ, Ø, xɔ, kɔ, tyɛ, sɛ, ʔa, fa, kʷɔ**
- мн.ч.: **bā, ɔ, wa I⁶, wa II, wa III, ma, bV, wa + fa, wa + xɔ.**

Все плюральные маркеры классов содержат лабиальный согласный. Единственный вокалический маркер представлен огубленным гласным (**ɔ**). Таким образом, признак «лабиальность» становится субморфной приметой множественного числа. Более того, в единственном числе есть только два маркера, для которых релевантен признак «лабиальность» – **fa** и в меньшей степени – **kʷɔ**, и множественное число в этих двух случаях (и только в них!) образуется путем **наложения** маркера с лабиальным согласным (**wa-**) на маркеры ед.ч.: ед.ч. **fa-** / мн.ч. **wa-fa-**; ед.ч. **kʷɔ-** / мн.ч. **wa-kʷɔ-**. Поскольку наличие одновременно двух префиксов нетипично для системы, префиксы ед.ч. **fa-** и **kʷɔ-** включаются в состав лексической основы, и в результате «лабиальные» маркеры ед.ч. выпадают из системы, начиная восприниматься носителями как сегмент лексической основы. В результате все маркеры множественного числа включают лабиальный сегмент, а ни один маркер единственного числа его не включает (детали смотри в [Ferry – Pozdniakov 2001]). При этом можно показать, что лабиальность как маркер множественности осознается носителями языка и становится катализатором радикальных изменений по аналогии в системе классов. На определенном этапе в пратенда развивается указанная инновация – множественное число от сингулярных классов сильной ступени чередования (ступень III) начинает образовываться путем прибавления лабиального сегмента морфемы **b-** к маркеру единственного числа, и сегодня в языке бедик: ед.ч. **a III** (класс 3) – мн.ч. **b-a III**, ед.ч. **ɛ III** (класс 9') – мн.ч. **b-ɛ III**, ед.ч. **ɔ/gɔ III** (класс 11/15) – мн.ч. **b-ɔ III**. Таким образом, субморфемный лабиальный сегмент маркеров плюральных классов (в качестве модели был избран лабиальный сегмент плюрального одушевленного класса **b-**) превращается в морфему. Более того, чтобы закрепить релевантность нового маркера числа, независимого от маркера именного класса, язык отказывается от фундаментального принципа использования мены ступени чередования при образовании плюральных форм: за

⁶ Три класса мн.ч., имеющие морфему **wa**, различаются степенями чередования начального согласного лексической основы (соответственно – ступени I, II, III). В языках тенда за каждым именным классом закреплена одна из трех ступеней чередования – слабая (фрикативные и сонанты), нейтральная (смычные) или сильная (звонкие преназализованные, носовые сонанты или глухие смычные).

начальными корневыми согласными словоформ мн.ч. закрепляется **та же** ступень, что и в формах ед.ч. – ступень III. Таким образом, наличие грамматикализованного лабиального сегмента становится единственным маркером плюрального класса. В языке бадьяранке / джаад, генетически близком к языкам тенда, «грамматикализация» лабиального субморфа **b-** пошла еще дальше и фактически привела к полному расслоению категорий именного класса и числа: множественное число в этом языке образуется во всех случаях прибавлением **морфемы бә**: *ku-na* / pl. *bә-ku-na* 'корова', *u-won* / pl. *bә-won* 'старший брат'.

В одной из самых модных в последние десятилетия лингвистических тем, в исследовании грамматикализации, внимание лингвистов сконцентрировано на формировании грамматических морфем на базе лексических. Не стоит ли, с учетом многочисленных примеров вроде приведенного примера из языка бедик, задуматься о прямо противоположном векторе грамматикализации, при котором новая морфема образуется не в результате грамматикализации лексем, а «из сора» – в результате превращения в знак элемента, не имевшего значения? Такого рода семиотизация субморфов оказывается возможной, когда в синхронии накапливается определенная «критическая масса» субморфных унификаций в результате диахронических изменений по грамматической аналогии.

3. Парадигма: нейтрализации и субморфы

Как распределяются субморфы в парадигме? Можно ли, например, с высокой вероятностью предсказать, какие именно члены парадигмы будут объединены общей субморфной приметой, а какие нет? По-видимому, нельзя, и, в первую очередь, как отмечалось выше, потому, что распределения субморфов в конкретной парадигме во многом зависит от его распределения в других парадигмах, а также от распределения по парадигмам **морфемных нейтрализаций**. Эта зависимость субморфных унификаций от морфемных рассматривалась достаточно подробно в ряде предыдущих публикаций (в частности, [Поздняков 1993; 2003аб; Pozdniakov 2004]). Остановимся кратко на выводах, касающиеся «синкретичных» форм в парадигмах.

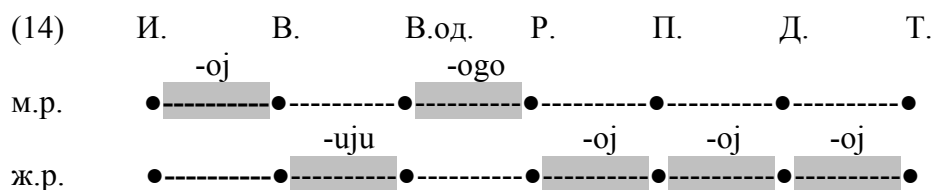
3.1. Морфемные нейтрализации

Трудно представить себе язык, в котором было бы, скажем, 15 именных классов множественного числа и 2 именных класса единственного числа. Мы знаем, что обычно бывает наоборот: классов множественного числа всегда меньше. В школе нас учат, что в русском языке «во множественном числе рода нет». Известно, что в отрицательных формах глагола меньше оппозиций видов, времен и наклонений, чем в утвердительных формах. Какие факторы определяют характер распределения нейтрализаций в парадигме? Этот вопрос тем более важен, если учесть, что мы имеем дело (как показывают приведенные примеры) с достаточно общими тенденциями, проявляющимися в большинстве языков мира. Перечислим здесь, не повторяя изложенную ранее аргументацию, ряд ключевых положений.

- 1) Большинство морфем представляют собой кумулятивные знаки. В кумулятивном знаке (возьмем, например, окончание в словоформе *слон-а*), знак **-а** обозначает одновременно род (мужской), число (единственное), падеж (винительный), одушевленность (положительный признак). Это значит, что у этого знака минимум четыре парадигматических значения, он входит в четыре различные парадигмы и соответственно является членом минимум четырех оппозиций.
- 2) Граммемы в кумулятивном знаке не равны – некоторые граммемы «равнее», чем другие. В одних значениях знак является маркированным членом оппозиции (то есть носителем значения), а в других, в соответствии с концепцией

Карцевского–Яacobсона, имеет нулевую значимость: в оппозициях *слон-а* ~ *слон* (падеж, В. ~ И.) и *слон-а* ~ *стол* (одушевленность, Од. ~ не-Од.) мы имеем дело с маркированными членами оппозиций, а в *слон-а* ~ *слон-ов* (ед.ч. ~ мн.ч.) и *слон-а* ~ *стран-у* (м.р. ~ ж.р.) – с немаркированными.

- 3) Маркированность / немаркированность кумулятивного знака является главным фактором, определяющим распределение нейтрализаций в парадигмах. Если знак активно работает на одну категорию, являясь признаковым, то он меньше работает на другую категорию, а это значит, что здесь у него больше шансов подвергнуться нейтрализации. Поскольку в словах *мороз-ы* и *роз-ы* окончание активно работает на категорию **числа** (форма мн.ч. является маркированной в оппозиции по числу), оно менее активно в выражении категории **рода** (оппозиция по роду во мн.ч. нейтрализуется (*мороз-ы* ~ *роз-ы*)). Поскольку предложный падеж в русском языке (по крайней мере, в шестичленной модели Р.Яacobсона) является маркированным членом наибольшего числа **падежных** оппозиций (по периферийности, объемности и определенности одновременно), именно предложный падеж обнаруживает наибольшее число морфемных унификаций по **роду**: М. *доме* = С. *полотенце* = Ж. *картине*; М. *домах* = С. *полотенцах* = Ж. *картинах* (нейтрализуется 6 оппозиций). В оппозициях по признаку **рода** маркированным членом оппозиции являются формы ж.р., а формы м.р. – нет. Следовательно, количество нейтрализаций по **падежу** в формах ж.р. должно быть выше, чем в формах м.р. Так и происходит. В формах м.р. нейтрализуются оппозиции И. = В. (*стол*), а если учитывать В од., то и В. = Р. (*брата*). В формах ж.р. нейтрализуются обе эти оппозиции (*картины*; *сестер*), а также оппозиция Д. = П. (*картине*), сохраняющая различительную силу в м.р. К тому же, в мягком склонении нейтрализуется и оппозиция Р. = П. (*тетради*). **Чем важнее знак для одной категории, тем меньше он «работает» на другую.**
- 4) Нейтрализации в смежных парадигмах стремятся к дополнительному распределению: если, например, в парадигме русского именного склонения м.р. нейтрализуются оппозиции непериферийных падежей: И. = В. *стол*, В. = Р. *слона*, то в парадигме ж.р. они различаются, а нейтрализуются другие оппозиции, а именно Р. = П. *тетради*, и Д. = П. *книге*. Если в парадигме адъективного склонения м.р. нейтрализуются оппозиции И. = В. и В.одушевленный = Р., то в парадигме ж.р. они различаются, зато нейтрализуются все без исключения остальные оппозиции (14):

При этом, в соответствии с правилом, изложенном в пункте 3, нейтрализаций в «маркированной парадигме» (ж.р.) больше, чем в немаркированной (м.р.). В подобных случаях парадигмы используются как контексты: одна из парадигм представляет «сильный контекст», контекст различения (П. ~ Д. *злом* ~ *злomu*), а другая парадигма – «слабый контекст», контекст нейтрализации (П. = Д. *злой*), что позволяет сформировать классическую оппозицию (в нашем случае, П. ~ Д.).

- 5) Одной из основных креативных функций нейтрализации, наряду с формированием оппозиции, является формальная интеграция разных морфем в общую парадигму, а также интеграция разных парадигм в более общие

морфологические структуры. Каскад нейтрализаций скрепляет, соединяет отдельные знаки. В [Pozdniakov 2003] типичный механизм интеграции морфем в систему был продемонстрирован, в частности, на примере французской и русской систем местоимений. Французскую систему можно представить следующей схемой (15):

(15)	SUJET	TON.	DATIF	ACCUS.	REFLECH.	POSS.
1 sg.	je	moi	me	me	me	mon
2 sg.	tu	toi	te	te	te	ton
3 sg.M.	il	lui	lui	le	se	son
3 sg.F.	elle	elle	lui	la	se	sa
1 pl.	nous	nous	nous	nous	nous	notre
2 pl.	vous	vous	vous	vous	vous	votre
3 pl.M.	ils	eux	leur	les	se	leur
3 pl.F.	ils	elles	leur	les	se	leur

В единственном числе «веер» нейтрализаций «сшивает» все функции, кроме посессивных местоимений: субъектные и тонические местоимения (3л. ж.р. *elle*), тонические и косвенно-объектные (3л. м.р. *lui*), косвенно-объектные, прямо-объектные и возвратные (1л. и 2л. *me* и *te*). Во мн.ч. (поскольку мн.ч. является маркированным в оппозиции по числу) все пять функций нейтрализуются более «агрессивно» – местоимения здесь заняты различием числа, и им не до различения функций. Языку остается подсоединить к системе притяжательные местоимения, а также соединить парадигмы единственного и множественного чисел. Что мы и наблюдаем на схеме. Датив и посессив имеют общую форму: *je leur écris* ‘я им пишу’ и *leur maison* ‘их дом’ (интересно, что именно функция датива интерпретируется в системе как наиболее близкая к функции посессива!). И наконец в серии возвратных местоимений в 3л. нейтрализуется оппозиция по числу: фонетически *il se baigne* и *ils se baignent* ‘он / они купается / купаются’ идентичны. А это означает, что фонетически оппозиции по числу нейтрализуются и в серии субъектных местоимений в формах *il = ils* (в том случае, если после местоимения употребляется согласный). Такое последовательное распределение нейтрализаций прослеживается в десятках языков и в сотнях парадигм. В случае исчезновения скрепляющей нейтрализации на одном из исторических этапов языка, она может вновь возникнуть позже. В английском местоимение *him* относилось как к единственному, так и к множественному числу, а затем эта нейтрализация оппозиции по числу исчезла после проникновения в язык заимствованной формы *them*. Но в современном английском нейтрализация по числу восстановилась в результате распространения формы *you* на единственное число.

А как же быть с нейтрализациями по лицу? На рассмотренной схеме их нет. Нет ни одной формы, общей для двух различных лиц. Для соединения различающихся во всех контекстах морфем и существуют **субморфы**.

3.2. Субморфные унификации

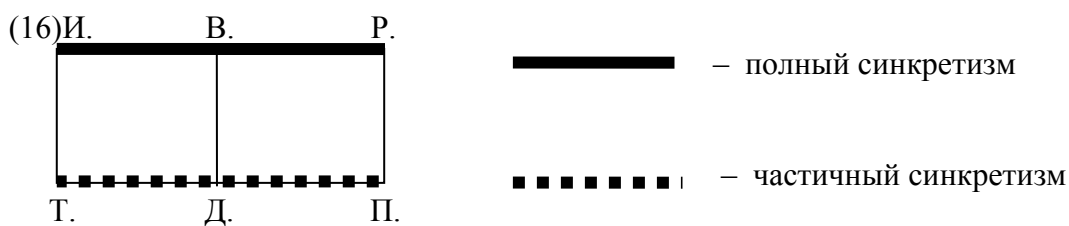
Полная унификация морфем представляет собой радикальное средство – морфемы перестают различаться. В том случае, когда морфемная нейтрализация не подходит, язык часто прибегает к частичной унификации морфем, которая играет ту же роль, но использует более скупые выразительные средства. Вспомним приведенные выше назойливые цитаты из Интернета вроде *v-otre commerce, c'est n-otre affaire* «ваша

коммерция – это наше дело» или *Наш товар – ваш купец!* и *Наша цель – ваша квартира*. Вспомним «рифмованную» структуру эрзянских или французских местоимений и, в частности, *mon-ton, ton-son, mes-tes, tes-ses*. Здесь во французской системе объединяются (благодаря технике частичной унификации) лица, в то время, как функции, а также числа объединяются синкретичными формами, то есть морфемными нейтрализациями.

Итак, частичные унификации призваны дополнить интеграцию морфем в систему в тех звеньях, которые не охвачены полными унификациями. Если же морфемные нейтрализации стремятся к дополнительному распределению по парадигмам, а субморфные унификации охватывают остальные звенья, то из этого автоматически следует, что субморфы: а) будут стремиться к дополнительному распределению с синкретичными формами; б) будут сами стремиться к дополнительному распределению по различным парадигмам.

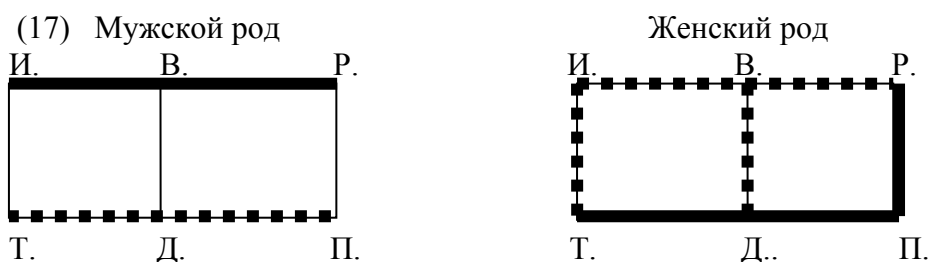
3.3. Принцип дополнительности в распределении субморфных примет и морфемных нейтрализаций

По Якобсону, *-а-* является приметой всех трех периферийных падежей: Т. *слон-ами*, Д. *слон-ам*, П. *слон-ах*. Но, если мы убедились в корреляции субморфных и морфемных меток, можно ли отнести к разряду случайностей тот факт, что морфемы *-а* нет ни в одном из периферийных падежей и при этом она отмечена во всех трех непериферийных падежах: И. *дом-а*, картин-а, В. = Р. *слон-а*? Представим это дополнительное распределение на схеме (16):

При этом в адъективном склонении нет ни одной морфемной или субморфной приметы, включающей гласный *а*, который в прилагательных отмечен только в именительном падеже (*бел-аја*). Последний факт крайне интересен в связи с бытующим мнением (особенно в традиции описания систем именных классов) о том, что при согласовании зависимые маркеры характеризуются минимальными формальными отличиями от маркера контролера согласования. На примере распределения гласного *а* по флексиям вполне прозрачно просматривается прямо противоположная тенденция: две парадигмы – существительного и прилагательного – стремятся приобрести черты двух контекстов – контекста различения и контекста нейтрализации, с тем, чтобы создать наиболее благоприятные условия для структурирования согласовательной модели.

Если добавить субморфные унификации к рассмотренной выше схеме адъективного склонения в русском языке, мы получим следующее распределение (17):

- 1) М.р.: И. = В. *бел-ый*, В. = Р. *бел-ого*, Т. ≈ Д. *бел-ым* ≈ *бел-ому*, Д. ≈ П. *бел-ому* ≈ *бел-ом*;
- 2) Ж.р.: И. ≈ В. *бел-[aja]* ≈ *бел-[uju]*, В. ≈ Р. *бел-[uju]* ≈ *бел-[oj]*, Т. = Д. = П. = Р. *бел-[oj]*, И. ≈ Т. *бел-[aja]* ≈ *бел-[oj]*, В. ≈ Д. *бел-[uju]* ≈ *бел-[oj]*.

Схема демонстрирует классическое дополнительное распределение. Прежде всего, мы еще раз убеждаемся в дополнительном характере морфемных нейтрализаций по разным парадигмам (м.р. – ж.р.). Но на схеме отчетливо проявляется и дополнительный характер субморфных меток в разных парадигмах, а также субморфных меток и морфемных нейтрализаций в каждой из парадигм. Принцип дополнительности проведен здесь настолько последовательно, что это дает основания отнести его к одной из важнейших структурных черт русского склонения.

4. Обсуждение

4.1. Субморфы и звуковой символизм

Субморфные приметы традиционно рассматриваются как проявление связи звука и значения (так их рассматривал Р.Якобсон). Они используются как иллюстрация иконического характера языкового знака, позволяющая поставить под сомнение сосюрровский постулат о немотивированности знака. Хотелось бы еще раз решительно не согласиться с такой трактовкой, даже если в единичных случаях она и представляется конструктивной.

Во-первых, когда Якобсон говорит о связи «... между составными элементами падежного значения и фонемами или составными элементами фонем: *-m'* (в автоматической альтернации с /m/) выступает как примета падежного признака периферийности ...» [Якобсон, 1985, с.195], например, в *дом-ом* – *дом-ам*, мы все же имеем дело не с фонемой, а с сегментом морфемы, у которого при этом обнаруживается двусторонняя сущность – у сегмента [-м], в отличие от фонемы /m/, есть означаемое (признак «периферийность»).

Во-вторых, материальное совпадение некоторых субморфов с фонемами – чистая случайность: они могут быть «меньше фонемы»⁷, а могут быть «больше фонемы» (*-otre* в *notre* – *votre*), а могут быть и больше морфемы: *просят* – *поросят*, *учитель* – *мучитель*. Они могут быть и больше, чем слово: «**В синем небе звезды блещут, / В синем море волны хлещут**» (другой вопрос, что подобные примеры показывают, насколько неудачен сам термин «субморф»). Субморфы могут вообще формироваться не в результате совпадения сегментов, а в результате «операции», в частности, в ходе инверсии сегментов в двух единицах: ср., например, спунеризмы «*Нельзя ли у трамвала / Вокзай остановать?*», «*перепонные барабанки*» или «*обобрали, подогрели*» в «Иронии судьбы».

В-третьих, и это самое главное, поиск звукового символизма в субморфах уводит нас от сути проблемы: дело не в том, что в качестве субморфов выступают некоторые особые звуковые единицы (очевидно, нет такого фонического элемента, который бы не мог стать субморфом!) – дело в том, что все рассмотренные элементы, вне зависимости от их звучания, выполняют одну и ту же функцию: они материально эксплицируют сходство разных смыслов, соотнесенных с разными знаками.

О субморфе имеет смысл говорить только в том случае, если мы имеем дело **как минимум с двумя** знаками. Субморф *-аши* выделяется в *наши* только потому, что рядом существует словоформа *ваши*. Это еще один факт, который свидетельствует о

⁷ Ср. в приведенной цитате: «составными элементами фонем» – формулировка, которая понадобилась Якобсону для обоснования положения о том, что «щелинность, общий атрибут -v- и -x-, служит приметой падежного признака объемности» [Якобсон, 1985, с.195] (в *дом-ов* – *дом-ах*)

том, что субморф характеризуется не значением, а значимостью (*valeur*, в сосюрловском понимании этого термина).

4.2. Субморфы и изменения по аналогии

Изменения по аналогии хорошо известны. Им посвящена огромная литература: изучается этимологический аспект этих изменений (как правило существенно затрудняющих проведение реконструкции), исследуется их фонетическая природа и закономерности их протекания (см., в частности, классическую работу Е.Куриловича [Kurýłowicz, 1949, p. 15–37], русский перевод [Курилович, 1962, с. 92–121]). Однако, несмотря на то, что изменения по аналогии (возвращаясь к замечанию Соссюра) представляют наиболее частотный тип диахронических изменений в языке, мне неизвестно ни одной работы, в которой бы системно рассматривался их **функциональный** аспект. Для чего язык вновь и вновь стремится частично унифицировать означаемые близких по значению слов – причем, не только ценой нарушения всех исторических законов звуковых изменений, но и ценой нарушения всех норм, действующих в синхронии (ср. рассмотренную выше форму **белток* по аналогии с *желток*, ср. исторически «неправильные» формы *вЫше*, *нИже*, *глУбже*, *мЕльче* и проч.). Все такие изменения направлены на то, чтобы в результате формирования общей метки у слов с близким значением объединить их в парадигму. Метка [-т-] превращает слова *желток* и **белток* в минимальную пару и формирует «именной класс яйца». В минимальную пару превратились и слова *девять* и *десять*, и ради этого язык испытал нерегулярное, «неправильное» изменение **n* > *d* в слове со значением «девять», в результате которого выделилась особая лексико-семантическая группа, состоящая из этих двух числительных. Как следствие, в сознании носителя между этими двумя словами возникает устойчивая связь, что фиксируется ассоциативными словарями. Анализ разнообразных фактов такого рода приводит к выводу, что основная синхронная функция диахронических изменений по аналогии состоит в том, чтобы обеспечить формальное сходство сталкиваемых смыслов и тем самым превратить изолированные знаки в члены парадигмы.

4.3. Креативная роль нейтрализации

В самом термине *нейтрализация* акцентируется идея устранения, снятия, уничтожения чего-либо, то есть проявляется некое разрушительное начало. Креативная же роль нейтрализации в образовании оппозиций, как и ее интегрирующая роль в формировании парадигмы и в объединении парадигм в систему, остаются в тени. Ср., например, следующее определение нейтрализации: «Нейтрализация – это контекстно обусловленное уничтожение оппозиции, такое положение, когда под влиянием контекста, т.е. в слабой с данной точки зрения позиции, утрачивается различие между двумя (или более) единицами, которые в другом контексте, в сильной позиции, противопоставлены» [Касевич, 1977, с. 48]. Это определение едва ли может вызвать серьезные возражения, однако оно не затрагивает функций нейтрализации. Для чего нейтрализация нужна? Сведение функциональной нагрузки нейтрализации к принципу экономии различительных средств служит своеобразной индульгенцией к тому, чтобы роль нейтрализации в функционировании системы всерьез не изучалась. Она практически и не изучается. Между тем, нейтрализация в высшей степени **креативна**, по крайней мере, в четырех отношениях. Она играет ключевую роль: 1) в формировании оппозиций, 2) в формировании новых означаемых, или иначе – в формировании новых знаков, 3) в расширении классифицирующих возможностей системы, 4) в интеграции отдельных знаков и парадигм в систему (подробнее см. [Поздняков 2003а]). Когда в русских говорах, в субстантивном склонении, появляются в предложном падеже формы типа *на сестры*, *в воды* вместо стандартного *на сестре*, *в воде*, в словах ж.р. возникает синкретичное окончание **-ы** для П. и Р. В результате П. и Р. выделяются из падежной парадигмы как падежи сопоставимые, сходные, что и

формирует (в данном случае – расширяет) базу для их противопоставления, а не только их различия. При этом, новая синкретичная морфема **-ы** начинает выражать новое грамматическое значение (в таких говорах за ней закрепляется, пользуясь терминологией Якобсона, значение объемности). Члены парадигмы попарно «связываются» синкретичными формами, возникающими в результате диахронических изменений по аналогии, и в итоге морфемная парадигма предстает как единая цепочка соединенных между собой морфем.

Еще один принципиальный момент, касающийся термина *нейтрализация*. Выше этот термин неоднократно употреблялся в контекстах, которые не могут не вызвать вопросов у «классических» фонологов. Так, например, предлагалось рассматривать формы *выше – ниже, глубже – мельче* (2 слога в каждой форме) как «слабый» контекст, а формы *высокий – низкий, глубокий – мелкий* как «сильный» контекст в оппозиции по количеству слогов. Более того, предлагалось рассматривать формы *морозы – розы* как оппозицию, в которой начало слов **мо-** ~ **Ø** является контекстом различия, а конец слов – **-розы** – контекстом нейтрализации. И наконец, предлагалось в качестве контекстов рассматривать разные **уровни** языка (при этом, в качестве одного из уровней выступал «субморфный уровень»): мы обсуждали, в частности, следующую интерпретацию – оппозиция *notre ~ votre*, проявляющаяся на морфемном уровне («контекст» различия), снимается на «субморфном» уровне субморфом **-otre** (контекст нейтрализации). Естественно, все эти формулировки требуют, как минимум, комментария. Хочу поблагодарить анонимного рецензента статьи, который высказал пожелание «соотнести авторское понятие нейтрализации с общепринятыми». Попробую это сделать. «Общепринятое» понятие нейтрализации заложено Трубецким и Якобсоном в фонологии. Якобсон, а позже пражцы, использовали фонологию как полигон, как лабораторию, в частности, и для того, чтобы применить открытые в фонологии механизмы к «знаковым» уровням языка, в том числе, к морфологическому. Проблема в том, что они не успели этого сделать, а в 70-е годы XX века, понятия оппозиции и нейтрализации были похоронены под обломками структурализма и практически забыты, изъяты из лингвистической теории, которая увлеклась другим. Так к чему же сводится «общепринятое» понятие нейтрализации применительно к морфологии и лексике? В следующем параграфе рассмотрим этот вопрос подробнее.

4.4. Оппозиции знаков или смыслов?

Проникновение идеи нейтрализации из фонологии в морфологию, а также за пределы лингвистики – в другие гуманитарные науки, складывалось парадоксально. Механизм нейтрализации был выявлен в ходе изучения фонем – языковых единиц, которые **не** являются двусторонними знаками, то есть **не** имеют означаемых (нейтрализация оппозиции русских фонем /t/ ~ /d/ в конце слова не предполагает оппозицию смыслов). Когда теория нейтрализации распространилась на **знаковые** уровни языка и, в частности, на морфологический уровень, идея нейтрализации автоматически была применена к оппозициям знаков, имеющих означаемое и означаемое (нейтрализация оппозиции морфем *a* ~ **Ø** по роду в парадигме множественного числа – это нейтрализация двусторонних знаков). Естественно, это принципиальное отличие фонемных оппозиций от морфемных было предельно ясным для пионеров: «При всей плодотворности фонологического опыта для разысканий в других языковых планах нельзя автоматически прилагать фонологические критерии к грамматическим элементам, которые в отличие от фонологических, чисто различительных средств наделены собственным значением. <...> форма *Nächte*, взятая в отдельности, сама по себе означает «более одной ночи», тогда как ни /t/, ни /d/ сами по себе воистину «*ne sont rien*»» [Якобсон, 1985, с.180]. Тем не менее, несмотря на оговорки такого рода, нетрудно показать, что сам Якобсон, как и его единомышленники, создававшие теорию морфемных оппозиций, наряду с нейтрализацией оппозиции **знаков** («нейтрализация

морфем $a \sim \emptyset$ »), все чаще писали о нейтрализации оппозиции **означаемых** или об оппозиции **смыслов** («нейтрализация оппозиции женского и мужского рода»). Во многих классических работах Jakobson эти два принципиально различных подхода соседствуют буквально в одной строке, через запятую. Когда Jakobson, анализируя древнеиндийскую падежную систему, говорит, что «противопоставление периферийности и непериферийности снято в отложительном падеже» [Jakobson, 1985, с. 194] или что в русских говорах «периферийные падежи <...> могут свестись к противопоставлению объемного падежа (П.) и необъемного (Д.– Т.)» [Jakobson, 1985, с. 183], он имеет в виду противопоставление означаемых, а не знаков.

Парадоксальность этой эволюции от идеи нейтрализации фонем (незнаковых единиц) к идее нейтрализации смыслов состоит в том, что сегодня именно фонологи, причем, ведущие фонологи, отказывают фонемным оппозициям «в праве на нейтрализацию» и отказывают именно на том основании, что фонемы не связаны со значением: «Если в результате контекстно обусловленной замены фонемы экспонент одной морфемы совпадает с экспонентом другой, иначе говоря, если совпадают варианты разных морфем, то имеет место нейтрализация последних (контекстная омонимия), например, *кот* и *код*. Фонологические единицы в принципе не могут нейтрализоваться, **поскольку** (выделено мной, – К.П.) лишены необходимой для этого двуплановости» [Касевич, 1983, с. 217]; «Перестают различаться **морфемы**: эти морфемы противопоставлены в вариантах *рог-а* – *рок-а*, но перестают различаться в варианте /rok/ – *рог* и *рок*. Что касается фонем, то различие между ними вообще не может быть утрачено, так как для этого требуется совпадение означающих при возникающей неоднозначности означаемого, но у фонем нет означающего и означаемого, это единицы незнаковые» [Касевич, 1977, с.48].

Принятое в данной статье понимание нейтрализации предполагает именно «семантическое» решение: нейтрализуются оппозитивные грамматические значения, единицы плана содержания, а не знаки (морфемы). Такое решение снимает многие «трудные» вопросы, часть из которых была сформулирована выше. В частности, две парадигмы, включающие не алломорфы знака, а разные знаки (парадигма единственного и множественного числа, парадигма субстантивного и адъективного склонения) могут рассматриваться как два контекста с двумя позициями – сильной и слабой. Более того, при таком понимании нейтрализации нет никаких противопоказаний и к тому, чтобы два разных уровня языка (в частности, морфемный и субморфемный) интегрировались в систему благодаря тому, что один уровень предстает как контекст различия, а другой – как контекст нейтрализации в оппозиции граммем. Так, рассмотренные в предыдущем разделе факты, свидетельствующие о коррелированности распределения морфемных сходств и «субморфемных примет» в русском склонении, не обязательно трактовать в достаточно туманных терминах «полного» и «частичного» синкретизма. Более конструктивной и понятной представляется следующая интерпретация: если члены оппозиции падежных граммем не обнаруживают сходства на морфемном уровне (отсутствие синкретичной морфемы), то их означающие более подвержены диахроническим изменениям по аналогии, которые обеспечивают сигнализацию их сходства на субморфемном уровне (формирование общих субморфемов).

4.5. Нейтрализация в ряду других средств интеграции знаков

Нейтрализация – одна из важнейших, но далеко не единственная техника сигнализации сходства знаков. Не менее широко распространена их частичная формальная унификация, благодаря формированию **субморфемов**, которые стремятся к дополнительному распределению с синкретичными знаками. Но и этими двумя средствами возможности формальной интеграции знаков в парадигму далеко не

исчерпываются. Перечислим лишь некоторые из таких средств, которые по своей функции могут быть поставлены в один ряд с двумя техниками, рассмотренными выше.

Добавление общей метки. Рассмотрим в синхронии словоформы *куп-л-ю, руб-л-ю, разграф-л-ю, лов-л-ю, слом-л-ю*. Носитель языка «добавляет» к любому корню с конечным губным согласным один и тот же фонический элемент – согласный [л] и не добавляет его ни к каким корням с не-губным конечным согласным (ср. *хран-ю, круч-у, брож-у* и т.д.). «Статистический» носитель ничего не знает про диахронические процессы, в результате которых сформировалось это правило. Он его автоматически использует, каждый раз присоединяя одну и ту же «метку» ко всем губным согласным, и только к губным. Таким образом, не только в лингвистической, но и в «народной» фонологии (что далеко не всегда одно и то же!) губные согласные объединяются и противопоставляются не-губным. В нашем примере нет нейтрализации, нет и частичной унификации языковых единиц – они остаются различными. Но есть «синтагматически» закреплённая в языке метка, которая используется так же, как она используется человеком, проставляющим крестики и галочки рядом со знаками в длинном списке. К той же технике прибегают языки с именными классами (например, фула или серер), в которых категория класса выражается симультанно специальными морфемами и ступенью чередования начального корневого согласного. Чередування в корне являются своеобразными синтагматическими метками, которые позволяют дифференцировать значения классовых маркеров (подробнее в [Поздняков 2003б]). Интересно в этом плане рассмотреть алломорфы с начальным **н-** в составе личных местоимений 3 л. (ед. и мн.ч.) в формах всех четырех косвенных падежей: Р. *него, ней/нее, них*, Т. *ним, ней, ними*, Д. *нему, ней, ним*, П. *о нем, о ней, о них*. (на этот пример субморфной подстройки обратил мое внимание А.Ю.Желтов). В многочисленных русских говорах независимо друг от друга возникает и форма с начальным **н-** в винительном падеже, причем часто без предлога – *нее, нею!* (*Я вижу нее*) [ДАРЯ 1989, Карта 67]. Таким образом, в этих говорах **н-** является уже приметой не косвенных падежей, а всех пяти маркированных падежей, в отличие от немаркированного именительного.

Перестановки. Как охарактеризовать технику формального объединения знаков при «обратном течении речи» в палиндромах («искать такси»), «оборотнях» («анатом – за разум!»), в спунеризмах («посетителей не будят»), в разнообразных метатезах, в текстах вроде «Поэзия грамматики и грамматика поэзии»⁸? Как охарактеризовать ритуальную (и театральную) инверсию людей и животных, мужского и женского? Во всех этих случаях не происходит «нейтрализации» в строгом понимании термина – разные сущности, разные знаки остаются разными, но сама возможность их взаимозаменяемости вполне может рассматриваться как еще один ключевой тип проявления субморфов. Очень любопытный пример такого рода дает французское молодежное аргю. В нем, как и во многих других аргю, используется, в частности, прием метатезы: слова *femme* ‘женщина’ *fête* ‘праздник’ дают соответственно [mœf], [tœf]. К этим словам подстроилось и [kœf], образованное от *flic* ‘полицейский’. Таким образом, от слов, в которых единственным общим сегментом был начальный [f-], образовались, благодаря метатезам, минимальные пары, в которых единственным различающимся сегментом является начальный согласный, а сформировавшийся субморф **-œf** получил экспрессивное значение. При этом, в слове со значением ‘полицейский’ качество гласного никак не мотивировано исходной формой, в отличие от [mœf] и [tœf], где огубленность гласного задается спецификой конечного («непроизносимого») гласного в исходных словах.

⁸ Модель оказалась настолько заразной, что использовать ее в лингвистике становится дурным тоном.

Текст. Одним из наиболее эффективных средств объединения знаков в парадигму является создание текста. Построение законченного текста предполагает четкое разграничение знаков, которые оказываются внутри текста и за его пределами, говорим ли мы о фразеологизме, о пословице, о стихотворении, о картине, о клипе или о ритуальной маске. Сама замкнутость текста позволяет отделить некоторые знаки от тысяч других, а следовательно, и противопоставить их. В этом плане, в «Хлеб да соль!» и в «Красное и черное» используется одна и та же техника «сталкивания» двух единиц, вступающих в отношения оппозиции без нейтрализации. Текст позволяет противопоставить **любые** знаки, в частности, бузину и киевского дядьку или соссюрговские чернильницу и свободу воли, то есть трансформировать простое **различие в оппозицию**.

Поэтический текст потому и является вершиной семиозиса, что в нем значение получает каждый его элемент – от различительного признака вплетенных в текст фонем до внеморфемных созвучий и до расположения запятых. Конечно, поэтический текст относится, прежде всего, к области речи, а не языка, но, во-первых, не случайно именно поэтическая речь «поставляет» языку множество субморфов (те же «древние поверия»), а, во-вторых, настроенные на язык рецепторы Поэта позволяют ему эксплицировать такие связи между формами и значениями, которые уже «созрели» в языке или уже зреют в нем. Вспомним замечательную мысль А.Потебни: «О том, имеет ли род смысл, можно судить лишь по тем случаям, где мысли дана возможность на нем сосредоточиться, т.е. по произведениям поэтическим» [Потебня 1968, с. 483]. Именно об этом говорил И.Бродский в одной из лучших теоретических работ по семиотике – в своей Нобелевской лекции: «... кто-кто, а поэт всегда знает, что то, что в просторечии именуется голосом Музы, есть на самом деле диктат языка; что не язык является его инструментом, а он – средством языка к продолжению своего существования». [Бродский 1967]. И поэтому поэт открывает субморфы, в том числе и в морфологических парадигмах, одновременно с лингвистом, а часто и раньше, чем лингвист. Вернемся к сложной схеме (17), в которой обобщены наблюдения многих исследователей относительно распределения флексии **-а** и субморфа [-а-] в парадигмах русского склонения мужского и женского родов. Но об этом предельно емко сказано и у Бродского: «Да, русским лучше; взять хоть Иванова: / звучит как баба в каждом падеже».

Существуют и другие приемы формальной сигнализации сходства двух разных знаков. Их очень много. Объединение этих приемов в рамках общей языковой стратегии, обеспечивающей интеграцию знаков в парадигмы, позволяет, в частности, рассматривать под общим углом зрения следующие (внешне разнородные) противопоставления, перечисленные в провокационных примерах в начале статьи:

- Полная унификация в одном из «контекстов» – нейтрализация, в частности, в синкретичных формах (Р. = П. *тетради*, но Р. ≠ П. *тетрадей* ~ *тетрадах*);
- Частичная унификация в результате формирования субморфов: *наши* ≈ *ваши*; *шире* – *дальше*, *правый* – *левый*; мнимальные пары: *бутылки* ≈ *Бутырки*;
- «Синтагматическое» добавление одинаковых меток: *Liberté, Egalité, Fraternité*; в частности, перенесение словообразовательной модели на инородный семантический класс: *жеребенок* – *жеребята* → *октябренок* – *октябрята*; *Витек, Санек* → *Нинок, Людок* (ср разбор этой модели в [А.Вежицкая 1996, с.125-126]);
- разнообразные перестановки элементов при сохранении их общего инвентаря: «*Колесо. Жалко поклаж. Оселок*», «*Воспоминания о войне или война воспоминаний*», *горб* ≈ *гроб*, *мизерный размер*, *шумел камыш*;

- соединение единиц в тексте: *жить не тужить, жили-были, «Преступление и наказание»*, и.т.д.

Часто встречается и одновременное использование разных приемов объединения знаков. Типологии таких приемов, насколько мне известно, не существует.

Язык разрезает мир на лоскутки знаков. Он «отделяет» одно от другого (например, свет от тьмы), «называет» и иногда – «видит, что это хорошо», в точности следуя первой странице известного текста, на которой классический механизм семиозиса прописан многократно.

Разрезанный мир – язык заново склеивает, и это отдельная техническая задача. Чтобы зафиксировать **различие** знаков в сознании говорящих, особой техники не нужно – разные знаки и так разные. Для того, чтобы **объединять** смыслы через соединение означающих, языку приходится прибегать к специальным приемам, и языки виртуозно с этим справляются.

Лингвисты заимствуют от языка как «стратегию ножниц», так и «стратегию клея». Лингвистика была разрезана на лоскутки (фонология и морфология, синхрония и диахрония, парадигматика и синтагматика, язык и речь, *etc.*), что позволило осмыслить их и исследовать в первом приближении. Но очень быстро из фонологии и морфологии выросла **морфонология**, а морфология и синтаксис сегодня практически уступили место **морфосинтаксису**. Может быть, завтра им на смену придет **морфофоносубморфосинтаксис**? Бедные аспиранты!

ЛИТЕРАТУРА:

- Батожок 2007 – *Н.И.Батожок*. О субморфах в русском адъективном склонении // «Русское слово и русский текст: история и современность». Сборник научных статей (посвящается В.А.Козыреву). СПб, 2007.
- Бродский 1967 – *И.А.Бродский*. Нобелевская лекция // Сочинения Иосифа Бродского. Т.1. СПб, 1992.
- А.Вежбицкая 1996 – *А.Вежбицкая*. Личные имена и экспрессивное словообразование // «Язык. Культура. Познание». М., 1996.
- ДАРЯ 1989 – Диалектологический атлас русского языка (Центр Европейской части СССР). Вып. II. Морфология. М., 1989.
- Зализняк 1967 – *А.А.Зализняк*. О показателях множественного числа в русском склонении // «To honour Roman Jakobson : Essays on the occasion of his seventieth birthday ». The Hague – Paris, 1967.
- Зализняк, 1977а – *Зализняк А.А.* Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М., 1977.
- Зализняк, 1977б – *А.А.Зализняк*. Закономерности акцентуации русских односложных существительных мужского рода // «Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики». Вып.8. М., 1977.
- Зализняк, 1989 – *А.А.Зализняк*. О некоторых связях между значением и ударением у русских прилагательных // «Славянское и балканское языкознание. Просодия». М., 1989.
- Зализняк 2002 – *А.А.Зализняк*. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М., 2002.

- Иванов, 2004 – *Вяч.Вс.Иванов*. Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. М., 2004.
- Касевич, 1977 – *В.Б.Касевич*. Элементы общей лингвистики. М., 1977.
- Касевич, 1983 – *В.Б.Касевич*. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М., 1983.
- Курилович, 1962 – *Е.Курилович*. О природе так называемых «аналогических» процессов // *Е.Курилович*. Очерки по лингвистике. М., 1962.
- Мельчук, 1995 – *И.А.Мельчук*. Русский язык в модели «Смысл – Текст». Москва-Вена, 1995.
- НК – Национальный корпус русского языка. <http://ruscorpora.ru>
- Поздняков 1993 – *К.И.Поздняков*. Сравнительная грамматика атлантических языков. М., 1993.
- Поздняков 2003а – *К.И.Поздняков*. Микроморфология или морфология парадигмы? // «Язык и речевая деятельность – 2002», т.5, СПб, 2003.
- Поздняков 2003б – *К.И.Поздняков*. О морфологии парадигмы: на примере «размерных» классов в фула // «The languages of the Far East, South-East Asia and West Africa». Moscow, 2003.
- Поздняков 2006 – *К.И.Поздняков*. К типологии именных классификаций // «Исследования по языкам Африки – 2005». М., 2006.
- Потеня 1968 – *А.А.Потеня*. Из записок по русской грамматике. 2 изд. Т. 3. Об изменении значения и заменах существительного М., 1968.
- РАС 2002 – *Ю.Н.Караулов; Г.А.Чернова; Н.В.Уфимцева; Ю.А.Сорокин; Е.Ф.Тарасов*. Русский ассоциативный словарь. Т.1, М., 2002.
- Реформатский, 1979 – *А.А. Реформатский*. Местоимения // «Очерки по фонологии, морфонологии и морфологии», М., 1979.
- Соссюр 1977 – *Ф. де Соссюр*. Труды по языкознанию. М., 1977.
- Старостин 2007 – *С.А.Старостин*. Труды по языкознанию. М., 2007.
- Чуковский 2001 – *К.И.Чуковский*. От двух до пяти // *Собрание сочинений в 15 т.* Т. 2, М, 2001.
- Чурганова 1973 – *В. Г. Чурганова*. Очерк русской морфонологии. М., 1973.
- Якобсон 1985 – *Р.О.Якобсон*. Морфологические наблюдения над славянским склонением // *Р.Якобсон*. Избранные работы. М., 1985.
- Calame-Griaule 1974 – *G. Calame-Griaule*. Dogon // «West African language data sheets» 2, Legon & Leiden, 1980.
- Ferry – Pozdniakov 2001 – *M.-P. Ferry ; K. Pozdniakov*. Dialectique du régulier / irrégulier dans la reconstruction des classes nominales // «Leçons d'Afrique, Filiations, ruptures et reconstitution de langues, Un Hommage à Gabriel Manessy». Collection «Afrique et Langage », 2, Paris, 2001.
- Kurylowicz, 1949 – *J. Kurylowicz*. La nature des procès dits «analogiques» // *Acta Linguistica*, Copenhagen, t.5 (1945–1949), fasc. 1, 1949.

- Pozdniakov 2003 – *K. Pozdniakov*. Micromorphologie ou morphologie de paradigme ? // «Bulletin de la Société de linguistique de Paris», t. XCVIII, 2003, fasc.1.
- Pozdniakov – Segerer 2004 – *K. Pozdniakov – G. Segerer*. Reconstruction des pronoms atlantiques et typologie des systèmes pronominaux // «Systèmes de marques personnelles en Afrique». Collection «Afrique et Langage », 8, Paris, 2004.
- Pozdniakov 2004 – *K. Pozdniakov*. Le système des pronoms linda : comment il s'organise ? // «Langues et cultures : terrains d'Afrique». Collection «Afrique et Langage », 7, Paris, 2004.
- Pozdniakov – Segerer 2006 – *K. Pozdniakov – G. Segerer*. Les alternances consonantiques du sereer : entre classification nominale et dérivation // «Africana Linguistica», vol. 12, 2006.
- Pozdniakov 2007 – *K. Pozdniakov*. Etudes atlantiques comparatives : questions de méthodologie // «Mémoires de la Société linguistique de Paris», XV, «Tradition et rupture dans les grammaires comparées de différentes familles de langues», 2007.
- Pozdniakov Материалы – <http://pozdniakov.free.fr>
- Segerer 2002-2007 – *G. Segerer*, 2002-2007 : «Les marques personnelles dans les langues africaines»: base de données en ligne – <http://sumale.vjf.cnrs.fr/pronoms/> (31.12.2008)
- Teyssier 1988 – *P. Teyssier*. Le système des personnes dans les créoles portugais d'Afrique : étude génétique // «La linguistique génétique : histoire et théories». Lille, 1988.

К.И.Поздняков,
 INALCO – LLACAN (Париж)
pozdniakov@free.fr